Одинокий рейд

Автор:
Александр Плетнёв

Одинокий рейд

Александр Владимирович Плетнёв

Военная фантастика

Тяжёлый атомный ракетный крейсер «Пётр Великий» проекта «Орлан», обладающий (благодаря атомной энергетической установке) завидной автономностью. Несет на вооружении 20 мощных противокорабельных ракет, 94 дальнобойные и 272 зенитные ракеты ближнего радиуса действия. Не считая противоминных средств, 30 торпед, трёх вертолётов и артиллерии…

ТАРК «Пётр Великий» проваливается из наших времён в недалёкое прошлое, в южную Атлантику, оказавшись вблизи границы двухсотмильной зоны одной маленькой, но такой любопытной войны. И волей-неволей ввязывается в драку.

Александр Плетнев

Проект «Орлан»: Одинокий рейд

© Александр Плетнев, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Баренцево море

Зачастую мы состоим из кучи незаметных и обыденных мелочей, нежели из чего-то большого и важного.

Как там в песне: «…а море смеялось…»?!! Хрен оно смеялось. Здесь, в северных широтах, да ещё в это время года оно, как правило, хмурое, как и небо, набрякшее свинцом низких облаков, плюющееся леденистыми каплями. И ветер, сырой и промозглый, треплющий колючим скрабом мо?роси и снежинок, единственное, что не укрыто под штормовым плащом – лицо.

Терентьев щурился на ветер, закрывая наветренную щеку отворотом капюшона, глядя с открытого мостика, как при очередной смене курса крейсер подставляет то одну скулу под удары волн, то другую. Впрочем, при таком волнении, на 16 узлах, двадцатишеститысячитонный корабль стальным монолитом взрезал неспокойное Баренцево море, словно не замечая взлохмаченных волн, отбрасывая пенные усы уже ближе к полубаку – следствие большого развала носовых обводов. Иной раз особо рьяная волна вздымала тучи брызг, но высокая носовая конечность и в худшую погоду не допускала забрызгивания палубы.

Взгляд невольно скользнул на рядки крышек-люков, закрывающих главный ударный комплекс – двадцать крылатых ракет «Гранит».

«Всё-таки смеётся, – сделал вывод капитан 1-го ранга Терентьев, командир атомного крейсера “Пётр Великий”, – только недобро как-то, пакостно».

После его вступления в должность командира корабля крейсер в основном торчал у причальной стенки, лишь пару раз выходя на выполнение учебных задач по стрельбам и маневрированию. Однако эволюции корабля были ограничены по длительности. Экипаж на «Петре» был недоукомплектован, и ко всему ещё многие матросы и даже офицеры были новичками. Причина была в систершипе «Петра» – крейсере «Адмирал Нахимов», модернизация и ремонтные работы на котором подходили к завершению. На спешно доведённый до ума «Нахимов» просто не успевали набрать и обучить экипаж. Фактически полный

апгрэйд по радиоэлектронной аппаратуре и новым системам вооружений требовал новых людей, с которыми тесно работали заводские специалисты. Но большинство же БЧ[1 - БЧ – боевая часть.], таких как ходовая, румпельная и остальные основные системы, остались фактически прежними. Вот этих парней из экипажа «Петра» и забрали на новообкатываемый крейсер.

Командование божи?лось, что как только они натаскают там своих новобранцев – людей вернут. Терентьев же не особо в это верил и гонял своих в хвост и гриву. Сначала у причальной стенки по теории и с неработающими механизмами, доводя действия матросиков до автоматизма (типа имитации действий: там повернуть рычажок, тут щёлкнуть тумблером и так далее). А уж потом и в короткие эволюции крейсера в море. Радовало хоть то, что доходяг-срочников было не более трёх десятков – основной экипаж состоял из офицеров и контрактников.

На командование он был не в обиде, понимая – если бы не обстоятельства с ускоренным вводом в эксплуатацию «Нахимова», то ему вообще не видеть этой должности. Проблема для него была в друго?м.

С некоторых пор Терентьев заметил, что любовь к морю изменила свой идеалистический окрас. Месяцы рутинной службы на берегу сыто расслабляют: когда приходишь на корабль от уюта и домашних котлет как на какой-нибудь завод-фабрику, только что выслушивая бравые рапорты у трапа и на мостике.

«Даже брюшко появляется», – с лёгким презрением думалось ему.

Но эта идиллия с берегом длится недолго, и незаметно подкрадывается нудящее ощущение скуки и некий зов моря. И уже вступив на палубу, протопав по переходам, поднимаясь на мостик, вдруг замечаешь, как в тебя проникает через подошву ботинок затаённая вибрация не замолкающих механизмов. И ты невольно достраиваешь в мозгу многоэтажную конструкцию корабля, понимая его величие и силу: начиная от чутких «ушей» локаторных антенн, через посты различных БЧ и покоящихся в контейнерах боевых ракет, выжидающих своего часа, до необузданной, но прирученной энергии ядерной установки.

Последующий выход в море переполняет эйфорией ожидания новизны, сопровождается неким чувством привычной значимости. Однако эта жажда странствий оказывается быстро насыщаемой. Почти мальчишеский восторг куда-

то улетучивался, заполняясь учебными или, естественно, условными боевыми буднями. Тянет назад, домой…

– Стар ты стал, – говаривал он порой, ловя себя на очередном хмуром ворчании. И тут же отшучивался: – Не дождётесь!!!

Как водится, оправдывая себя той или иной причиной этого самого недовольства, находя основной довод – «ответственность». Может, в этом и были основания у командования КСФ[2 - КСФ – Краснознамённый Северный флот.] назначить именно его командиром «Петра» – спокойного, рассудительного и не особо рвущегося в боевые походы, пока крейсер вынужденно простаивает?

«Нет! Не смеётся, – Терентьев уже не столько всматривался в теряющийся в сером мареве горизонт, сколько к своим ощущениям, – оно сразу как-то зловеще ухмылялось. Изначально».

В этот раз из штаба дали добро пробежаться подальше, даже отработать взаимодействие с новеньким СКР «Туман»[3 - СКР «Туман» – сторожевой корабль проекта 11540 предназначен для поиска, обнаружения и слежения за подводными лодками противника, обеспечения противокорабельной и противолодочной обороны боевых кораблей.] учебную задачу по противолодочному поиску. Да и сам Терентьев небезосновательно считал – теорию надо подкреплять усердной практикой.

В роли «противника» намечалась новейшая дизель-электрическая лодка проекта 677 под шифром «Лада», вышедшая с пункта базирования на последоковые мероприятия.

Подводники в играх участвовать не собирались. У подплава свои заморочки: дифферентовка, погружение на рабочую глубину, проверка герметичности прочного корпуса. Но поработать по ним издалека разрешили.

Тут главное было не мешать подводникам, не заходить за «забор» (линию разграничения на карте).

В общем, ничего сложного не намечалось – обычная отработка противолодочного поиска в заданном квадрате.

– От буя до буя! – по-своему интерпретировал капитан второго ранга Скопин – старший помощник командира корабля.

Снялись с бочки, вышли в Баренцево и почти сразу на радарах поймали обещанного погранцами[4 - МЧПВ – морские части погранвойск.] супостата – крутится у границ территориальных вод.

Дали полный ход и вскоре установили визуальный контакт. Опознали норвежский корыто-корвет типа «Нордкап» – ровесник «Петра»[5 - Норвежские корабли береговой охраны типа «Нордкап» и «Пётр Великий» – тяжёлый атомный крейсер типа «Орлан» вошли в состав своих флотов в восьмидесятых годах XX века.].

«Амеры – те обычно отбегают подальше наших от “Гранитов”, – Терентьев в бинокль рассматривал маячивший на траверзе всего в тридцати кабельтовых норвежский корабль, – а эти – викинги, блин, как ни в чём ни бывало крутятся у самых тервод. Гадово племя!»

Не любил он их, таких правильных, цивилизованных….

«Европейцев, мать их, с их так называемыми ценностями. Зато когда страна была в беде-разрухе, эти все лезли – раздербанить, урвать кусок. Вся эта АНТАНТА. Что характерно, и норвежцы туда же – выхватить себе добычи, пока по зубам дать не могут[6 - Начиная с апреля 1920 года норвежские промысловые суда вторгались во внутренние воды РСФСР – от Мурманска до Архангельска, варварски истребляя десятки тысяч тюленей. Зачастую их сопровождали норвежские военные корабли, которые открывали артиллерийский огонь по русским пограничным катерам. Лишь с появлением в 1933 году на Баренцевом море первой группы советских боевых кораблей, вторжения норвежцев прекратились.].

Понятно – давно это было, но чем они лучше сейчас? Считают себя тут хозяевами моря, устраивая “рыбные войны”, с ими же выдуманными правилами и ими же порой нарушаемыми».

«Туман» пристроился в кильватер «Петру». Держась территориальных вод, двинули в заданный район. Норвежцы, естественно, увязались, следуя на траверзе.

Вышли в «свою» зону, почти к самому рубежу разграничения районов с подводниками. Гидроакустического контакта с «Ладой» установить не удалось. Не отвечала подлодка и по звукопроводной связи.

– Может, их тут вообще нет, – засомневался старпом, – отработали, довели лодку до навигационного состояния и тю-тю – в Ли?цу[7 - Западная Лица – название пункта базирования подводных лодок Северного флота России.]. Ещё этот «норвежец» тут ошивается… как-то он нетипично, сволочь, маневрирует.

Запросили СКР «Туман» – те тоже признались в бессилии, хотя у них поисковая аппаратура стояла самая современная.

– Подойдём ближе? – не терпелось старпому.

– Там «забор», – предупредил штурман, – вертолёт бы туда с буями, но не спортивно…

– Эта пронырливая, а вернее, поднырливая братия специально решила нам устроить западло, а потом поржать на досуге, что опять поводили за нос «надводных», – насупился Скопин – сказывался лёгкий холодок взаимного неприятия подводников и надводников, сложившийся ещё в военных училищах.

Доложили оперативному дежурному в штаб. Там, видимо, тоже «болели» за своих. Быстро выяснили в Заозёрске (в штабе подводных сил) – лодка на позиции и предложили… «Немного зайти в зону подводников. Осторожно».

– Не, ну не мудаки? – наливался возмущением старпом. – «Осторожно» это как? Чтобы их акустики нас прозевали? Лодка на тесте, взбредёт им в голову неожиданно всплыть… и угораздит аккурат нам под киль.

– Значит так, – принял решение командир, – идём за «забор», ход полный – так нас точно услышат. Милю. Затем циркуляция – выходим. СКРу оставаться в зоне

маневрирования – вести акустический поиск.

А бедовый подплав действительно решил поиздеваться над коллегами-надводниками – и тоже подошли к границе. Подкрались совершенно незаметно.

Тихие они очень – «Лады».

И когда ТАРК взбаламутил воду винтами, тут же вышли по «звукоподводной», передав условным: «вы торпедированы». И ничего лучше не придумали, как всплыли под перископ.

Чего они не учли, так это циркуляции тяжелого крейсера. Тяжёлого во всех отношениях, имеющего нехилую инерцию.

– Перископ прямо по курсу, пять кабельтовых! – заорал сигнальщик.

– Стоп машина, – немедленно среагировал командир, взглянув на лаг и возрадовавшись, что корабль не успел набрать полные тридцать два узла.

Следом команда – и рукоятки машинного телеграфа дважды отыграли на «самый полный назад», затем на «стоп» и снова на «полный назад». То есть отработали максимально возможный задний ход. Распоряжение ушло трансляцией по всем линиям связи и отдельно в ПЭЖ[8 - ПЭЖ – пост энергетики и живучести.] (так положено).

Вот на этом тягучем моменте пришлось поволноваться. Перископ приближался, отрабатывать рулями было не совсем разумно из-за заноса кормы. Решение было принято правильное – только «полный назад». Машины надрывали винтами воду в реверсе…

И наконец, крейсер, замедлившись, попятился… попятился, да так бодро, что даже кильватерный след от носа появился. Кто-то в рубке вздохнул с облегчением.

А как всегда не сдержанный на язык Скопин вроде бы не к месту, но по эмоциональному окрасу вполне подходяще ляпнул:

– Лежу я на ней… спрашиваю: «Тебе не тяжело?» А она в ответ томно: «Это приятная тяжесть!»

И понимай, как знаешь. А никто и не переспрашивал – заняты!

Отработали «стоп машины» и «малый вперёд», довершив циркуляцию.

Атомный исполин, выписав замысловатые элементы движения, под любопытными взглядами скандинавов лёг на курс вдоль условной границы разграничения.

А подводники по радиосвязи, как ни в чём не бывало, выразили своё неудовольствие, что крейсер влез в их район, убрали все свои штыри и мягко растворились под водой. Точнее, попытались – с «Тумана» доложили, что акустический контакт с лодкой не утерян, и «скинули» на БИЦ[9 - БИЦ – боевой информационный центр.] крейсера пеленг и расчётный курс субмарины. Началось то, зачем пришли – прогон акустических систем и молодых специалистов в противолодочном поиске.

Размотали за кормой буксируемую гидроакустическую антенну, и пошла работа.

Но учебная отработка на «своих» плавно (а точнее неожиданно) перешла в кошки-мышки с «чужими».

Сначала с БИЦа на мостик «стуканули», что по линии особого отдела пришла срочная «секретка». Следом заявился сам особист – доложил-положил дешифровку и по-быстрому ретировался, потому как имел вид бледный и болезненный.

Терентьев не успел ещё с ней ознакомиться, как пришла новая вводная из штаба – подтверждали сведения, полученные от разведчиков.

Суть была в нахождении в их секторе британской подводной лодки.

Осведомленность командования включала даже тип и название: ПЛ – атомная торпедная. «Артфул». Совсем свежей постройки.

Нащупали «британца» там, где и ожидали – под килем «Нордкапа». И сразу стали понятны странности эволюций этой посудины с надписью «KYSTVAKT»[10 - «KYSTVAKT» – «береговая охрана» (норв.).].

«Интересно, если бы не наводка из штаба флота, наши слухачи смогли бы её обнаружить?» – мрачнел мысленно Терентьев.

«Норвежец» своими винтами весьма эффективно забивал все шумы атомохода, и ходили они как привязанные, словно тренировались уже где-то такой слаженности.

Как бы то ни было, с «Тумана» доложились об установлении гидроконтакта весьма скоро.

Задачи по отработке взаимодействия никто не отменял, но решили отказаться от использования вертолётов в гидроакустическом поиске, чтоб не пугать потенциального противника – пусть думают, что мы не знаем про лодку.

Так и крутили до темноты, то расходясь с «натовцами», то сокращая дистанцию, то теряя гидроакустический контакт с «британцем», то снова восстанавливая.

Ночью то же самое, только не таясь, «поглядывали» друг на друга, облучая радарами.

А утром «Нордкап» убежал в сторону своих берегов, буквально бросив подлодку. Это было любопытно наблюдать – как потерявший свою тактическую накидку-невидимку «британец» сначала притаился, скользя под водой на скорости не более двух узлов, словно в растерянности, а потом надо было быть дураком, чтобы не понять, что он обнаружен. Тогда уже не скрываясь, субмарина, развив двадцать узлов, направилась на северо-запад.

«Туман» увязался следом, забрасывая навесик из гидроакустических буёв с вертолёта, чем удавалось сравнительно легко сопровождать субмарину. «Артфул» дал максимальные 29 узлов, уходя по струнке, тем самым выказывая намерение оставить этот район. Ко всему из штаба пришла «квитанция»: «…в целях ненагнетания обстановки и во избежание провокаций…» и новые вводные. Сторожевик, лениво выписав пенную дугу, лёг на обратный курс.

Вскоре командир «Тумана» передал на крейсер, что перехватил радиообмен по пеленгу подлодки.

«Наверняка на перископ всплыли, пытаются у своих прояснить обстановку через спутник связи», – пришёл к простому выводу Терентьев, отдавая распоряжение «отбой учебно-боевой».

СКР «Туман» отработал положенную программу с новейшей аппаратурой для обнаружения неатомных (особо бесшумных) подводных лодок. И как тактично выразился командир сторожевика, теперь требуется «заводское тестирование».

«Туман» ушёл на базу.

«Петру Великому» следовало выйти в другую расчётную точку.

Баренцево море. Несколько часов спустя

С мостика Терентьев наблюдал, как две маленькие точки-мухи над морем медленно обретают очертания, превращаясь в винтокрылые машины.

Больше глазу не за что было зацепиться – разбегающаяся во все стороны ширь моря превращалась в однородную серую массу, сливающуюся с по-прежнему таким же свинцовым небом.

Более-менее крупные айсберги ожидались ближе к Шпицбергену, однако сейчас не было видно ни одной приличной льдины.

«Но, судя по крепчающему северо-восточному ветру, ледники в нашу сторону погонит с Земли Франца-Иосифа».

Ухудшение погоды не удивляло, воспринималось как неизбежное зло северных условий мореплавания.

«Скоро стемнеет. Если разыграется шторм, не помогут и успокоители качки. Не хватало, чтобы кто-нибудь из парней гробанулся или ударил машину о палубу».

Он вдруг почувствовал навалившуюся усталость и ноющую головную боль. Сказывались напряжение последних суток и дёрганые вводные из штаба флота.

Наполнив стакан воды, он проглотил пару обезболивающих таблеток, украдкой заметив понимающий, почти сочувствующий взгляд вахтенного, что было неприятно, словно его уличили в слабости.

«Чёрт побери! – выругался он мысленно. – Завалишь вот так голову всякими заумностями, и мозги начинают распухать, не вмещаясь в голове. Так и хочется сделать дыру в черепе и выпустить всех этих мух вместе болью».

– Экипажу приготовиться к приёму вертолётов. Авиагруппе вернуться на крейсер, – приказал Терентьев вахтенному офицеру, – в связи с ухудшением погодной обстановки. В журнале сделать соответствующую запись.

Поочерёдно в течение получаса два «камова» без проблем оседлали пятачок на корме крейсера. Хотя вторую машину опускали в ангар уже с матами – к тому моменту корабль вошёл в зону низких кучево-дождевых облаков, и, несмотря на устойчивую палубу, порывы ветра потрепали ангарную команду.

– Вовремя, – старпом появился в ходовой рубке слегка взъерошенный, поправляя пилотку на влажных волосах, – шквалит – весь ангар в лужах.

– Вот, – Терентьев протянул ему листок радиограммы, – не вовремя!

Прочитав содержание, Скопин лишь мысленно сплюнул.

Сообщалось об аварии на британской подводной лодке «Артфул» с её координатами. Из штаба флота приказали оказать содействие, при этом имелось в виду лишь выслать вертолёт. Затем следовало подтверждение норвежской авиации по её местоположению.

– И как всегда – срочно! – негодовал Терентьев. – В этом весь флот! Всё что ни делается – всё непременно срочно! А сами британцы с ПЛ молчат и на запросы не отвечают! Что у них произошло – тоже не известно. Даже сигнала бедствия не шлют.

– Так, может, у них капитаном какая-нибудь Сара Уэст.

– Какая такая Сара?

– У бриттов фрегат «Портленд» – командиром баба, – пояснил старпом, – вот и представь, ей бы SOS послать, а она менжуется в сомнениях – не примут ли её «сос» за сексуальное желание?

Реакция на цитрамон у Терентьева была своеобразная – боль как бы доходила до своего почти невыносимого пика, а потом резко отступала. Сейчас наступил именно самый болезненный момент. Поэтому на попытку Скопина схохмить он скривился без какого-либо энтузиазма.

– И что может сделать вертолёт, да при такой балльности, – Скопин вдруг заметно помрачнел, однако снова не смог удержаться от подначки. – Даже если у их гомиков на борту просто запор случился – ведро пургену в море сыпануть? Так и то без толку – Гольфстримом разнесёт, лишь тюлени на Шпицбергене обосрутся.

Он ещё раз взглянул на «квитанцию», видимо прикидывая координаты.

– А ведь действительно, норвежцам-то со Шпицбергена до них рукой подать.

– Единственное, что их самолёт сообщил – лодка всплыла. Союзнички, мать их… И наши в штабе – молодцы. Наверняка их из Нортвуда[11 - В Нортвуде (пригород Лондона) расположен штаб Королевского флота Великобритании.] напрямую попросили – наши не отказали, но вертолётом отмазаться решили. Как будто не знают про погоду.

– Ребят на «вертушке» слать – только машину потерять. Тем более скоро стемнеет. Но… помочь-то надо…

– Да знаю я… – отмахнулся Терентьев, наконец, почувствовав, как схлынуло давление в черепной коробке. Угрюмо поглядывая через рубочное стекло на буквально «упавшее» на море небо, низвергающее потоки дождя, коротко приказал: – Командуй поворот. На «Петре» подойдём.

Крейсер описал циркуляцию, ложась на новый курс, вгрызаясь в шторм.

Принесли карту погоды, которая мало того, что не обещала ничего хорошего – лишь усиление ветра, так ещё и при нужном курсе волна будет бить прямо в борт. Либо – идти зигзагами, растянув всю эпопею на несколько лишних часов.

Терентьев вызвал командиров боевых частей, поставил перед ними задачу, приказав готовиться к штормовому плаванию. Объявили и по корабельной трансляции, предупреждая остальной экипаж.

– Как скоро дойдём? – спросил у штурмана.

– Часа за три там будем.

– Если ничего не случится, – пробормотал Скопин, выискивая чего-нибудь деревянное, чтобы суеверно постучать. Ничего слёту не нашёл, плюнул на это мнительное дело и накликал себе… приключение.

* * *

Волна стала конкретно лупить в правую скулу, вздымая брызги выше полубака, обильно кропя палубу. Но, несмотря на то что температура была примерно околонулевой – всё же успевала стекать через шпигаты, не образуя наледи.

Помимо качки, периодически ощущалось неприятное вздрагивание при встрече с особо крутой волной.

Непорядок обнаружил вахтенный офицер, смотрящий с ходового мостика прямо по курсу, поэтому нос корабля был у него, что говорится, постоянно перед носом.

А «непорядок» заключался в том, что усердие стихии нашло слабое место – при очередном ударе волны на срезе полубака сорвало с замков ящик, закрывавший электровыключатели от правой вьюшечной[12 - Вьюшка – барабанная лебёдка.].

Вахтенный – молодой офицер, из новеньких, сразу доложился о происшествии.

С командного пункта на «ходовой» поднялись старпом и командир. Прильнули к носовому остеклению. Включили прожектор.

– Вон он, болтается. Водой зальёт – коротнёт.

– Устранить, – Терентьев не увидел ничего особо аврального, – только аккуратно там, снаружи. На время работ – курс по волне.

И бросив Скопину «проконтролируешь», ушёл на ГКП[13 - ГКП – главный командный пункт.].

Необходимости идти с боцкомандой старпому не было, но переклинило – «контролировать так контролировать».

Вместе с командиром трюмной группы в правом коридоре верхнего яруса построили аварийную партию и носовую швартовую команду.

Старший мичман (главный боцман) прошёлся вдоль строя, набирая группу для работы на баке в штормовых условиях. Всё по инструкции – надели спасательные жилеты, боцман лично проверил крепления ремней, в том числе между ног, чтобы жилет не слетел через голову при (мало ли) падении в воду.

Предупредили «ходовой» о готовности к выходу наружу. Дождались, когда корабль повернёт по волне, заметно ощутив уменьшение качки. И пошли.

Дело оказалось несложным – провозились минут пятнадцать. Ещё немного подзадержались, на всякий случай бегло осмотрев на штормовую стойкость остальное навесное «хозяйство».

«Отбили» на «ходовой» о выполнении. Оттуда в ответ: «Покинуть бак!», и торопыга вахтенный раньше времени отдал приказ ложиться на прежний курс.

Матросы и командир трюмной группы уже нырнули в проём двери. Последними уходили боцман и старпом.

Старший мичман – педант и строгий хозяйственник, ещё что-то осматривал у загрузочного люка «Форта». А Скопин просто (по инструкции) не оставлял его одного в штормовую погоду.

Вот тут при повороте корабля их и накрыла мощная волна разбушевавшегося Баренца. Боцман успел вцепиться в трап, идущий с ракетной палубы на полубак. А Скопина сбило с ног и понесло на волне, практически аквапланируя, к левому борту. Хорошо хоть ширина палубы позволяла успеть сгруппироваться, и старпом впечатался в фальшборт ногами, а никаким другим чувствительным местом.

Когда вода схлынула, матерящийся мичман его буквально за шкирку втащил внутрь, уже через левый выход с полубака.

Потом оба мокрые с ног до головы задраили бронированную дверь и, оставляя за собой мокрые следы, решительно собрались на «ходовой» с намерением устроить взбучку молодому вахтенному.

– Погоди! – остановил уже пришедший в себя Скопин. – Надо предупредить остальных. А то нас нет, полезут искать, а на палубе пусто. Подумают – смыло…

– Точно, – продробил боцман, у которого после холодного купания зуб на зуб не попадал, – этот долбодятел сейчас ещё завопит «человек за бортом», и корабль развернёт на поиск.

– Да ладно тебе. Сами виноваты. Нехрен было у этих люков задерживаться, – немного смягчился Скопин. Но окончательно пришёл в себя уже под душем, смывая горячими струями раздражение и озноб.

Немного Royal Navy

На английской подводной лодке «Артфул» отказало автоматическое управление ядерной установкой. Естественно, реактор был заглушен вручную. Решили возвращаться на базу, однако возникли неполадки и с дополнительным двигателем, вызвав мрачный комментарий у командира подлодки, почти повторяющий известную фразу ещё одного британского флотоводца[14 - Имеется в виду высказывание адмирала Битти во время Ютландского сражения.]. «Что-то с нашим чёртовым кораблём сегодня не так…»

Субмарина потеряла ход. Лодку надо было буксировать, но британских кораблей поблизости не было, а союзники-скандинавы были плотно заняты своими проблемами. Забота адмиралтейства вылилась в обещание прислать самолёт (чем, интересно, в этой ситуации могла помочь авиация?), потом из Лондона вышли на русских, но там тоже отделались вертолётом с крейсера «Пётр Великий».

Русский крейсер пришёл сам, точно выходя на радиопеленг, издалека высветив субмарину мощным прожектором.

– При такой балльности буксировка будет весьма затруднительной, если вообще возможной. Хотя у этих русских хватит дури это проделать, – перекрикивая вой ветра, довёл вслух свои рассуждения командир британской ПЛ присутствующим офицерам, не сомневаясь, что и его ребята не подкачают.

А лодку качало основательно. Волны мощно перекатывались через корпус, и самые настырные, разбиваясь о рубку, норовили окатить брызгами торчащих на самом верху членов экипажа.

Ситуация с буксировкой британскому командиру откровенно не нравилась. Можно сколько угодно говорить об английском снобизме и гордости, но когда тебя поведут на верёвочке, это будет выглядеть весьма унизительно. Восстановительные работы с запасным движителем не прекращались. Ко всему, командир приказал до подхода русских попытаться взять под контроль и системы управления реактором.

Всё внимание британцев было приковано к приближающемуся крейсеру.

– Ну, вот что за хамство, так слепить прямо в глаза! – воскликнул старший вахты, пытаясь что-либо рассмотреть из-под ладони.

Его словно услышали, и луч скользнул правее, забегал, словно выискивая что-то на водной поверхности. В этот момент лодку дважды тряхнуло. Едва удержавшись на ногах, обернувшись, британские офицеры с ужасом наблюдали водяной столб подводного взрыва у правого борта.

ТАРК «Пётр Великий»

Как и рассчитывал капитан 1-го ранга Терентьев, к месту вышли через три часа (волнение на море сожрало один узел).

Британцы в радиообмене были предельно лаконичны, точны?, но у него сложилось такое впечатление, что не им нужна помощь, а они (альбионцы) делают некое одолжение.

– Козлы, – флегматично прокомментировал сие Скопин.

Вышли по радиопеленгу, подсвечивая радарами. С трёх миль до субмарины перемигивались узконаправленными ратьерами, затем врубили прожектор – сразу взяв «британца» в световое пятно.

Терентьев не услышал взрыва – звук не поспевал за светом. Он вдруг увидел, как на том месте, где погрузилась во мрак подлодка англичан, пробежали алеющие нити-трещины, вырисовывающие условный контур субмарины, переходящие в невыносимый, расширяющийся белый свет, ударивший по вооружённым мощной оптикой глазам. Инстинктивно прикрывший веки Терентьев всё же успел получил свою долю светового шока, на время ослепнув.

Детонация боекомплекта подлодки ударила по внутренним переборкам, ломая защиту реактора, расколола прочный корпус.

Но процесс неожиданно перешёл на иные физические принципы, породив энергетический выброс, в том числе и электромагнитный импульс. Длилось это миллисекунды, затем всепроникающая сила гравитации остановила разбегающуюся от атомной подлодки распоясавшуюся энергию. Словно при обратной съёмке потащив назад к своему источнику. Не останавливаясь,

сначала схлопывая то, что осталось от британской субмарины – кипящая сама в себе смесь фугасной детонации с содержимым активной зоны реактора. Затем потянув за собой ближайший атомарно весомый предмет – крейсер «Пёрт Великий».

Совершая гравитационный пробой, энергия взрыва вконец истощилась, окончательно замкнувшись на себя. Исчерпавшись, радиоактивно смердя, тонула оплавленным бесформенным куском на дно уже не моря, но океана, уже не здесь, а где-то там, и не сейчас, а когда-то. Где-то в своём «там» и своём «когда» оказался и русский крейсер. В другом времени… или в другой реальности?

Уже не там, а где-то здесь, и не когда-то. А сейчас

Станет тесен весь мир и не вдруг, Посмотри, свою скуку убей, На Вселенную – ту, что вокруг. Я её подарю всю тебе.

Ощущение полной беспомощности и паники Терентьев выдавил из себя едва ли не насильно. Боясь коснуться глаз, после неконтролируемого о?ра (оправдывало, что в основном злого мата, а не скулежа) командир быстро провёл перекличку в ходовой рубке, уточняя дееспособность офицеров.

Естественно, сыграли «боевую тревогу», управление кораблём взяла на себя новая вахтенная смена. Пострадавших (их было немного – весь экипаж находился в закрытых помещениях) офицер медицинской службы отправил в медицинский блок. Несмотря на протесты медика, командир оставался в рубке, отдавая распоряжения.

– Радиотехнические средства, – Терентьев спрашивал, морщась – ему на лицо делали повязку, – ЭМИ было?

– Тестируем – импульс лишь лизнул. В целом локаторы и гидроакустическая аппаратура в норме, – офицер радиотехнической службы продолжал сверяться с показаниями на мониторе, – датчики поймали немного гамма, но если это и был ядерный взрыв, то какой-то недоделанный. Сейчас восстанавливаем системы

связи.

– Реактор?

– Стабильно.

– Что с людьми?

Фельдшер-старшина, хлопотавший вокруг командира, увидел, что на него уставились вопросительно, слегка растерялся.

– Пономарёв говорит, что поражение сетчатки не сильное, – нашёлся штурман, – не больше, чем от сварки. В целом прогноз положительный. Сутки на восстановление. Вас сильней всего с вестовым ожгло. Остальные отделались легче.

– Вспышка была короткой. Хотя матрица видеорегистратора имеет повреждения, удалось приблизительно установить и интенсивность по зафиксированному изображению, – и, предвосхищая вопрос Терентьева, офицер службы БЧ-7[15 - БЧ-7. Радиотехническая боевая часть.] уточнил: – Там ни черта не разобрать, кроме вспышки.

В рубку стремительно влетел Скопин, прижимая к глазу влажный тампон. Вероятно, слишком влажный, потому что по щеке у него стекала тонкая струйка бесцветной жидкости.

– Командир! Надо в лазарет, пусть Пономарёв обработает глаза, – начал он с ходу. Увидев на лице Терентьева недовольную гримасу, наклонился к уху: – Коля, надо! Ты же не хочешь потерять зрение.

– Ты как?

– Я нормалёк! Я вообще на тот момент карандаш обронил. Левый слегка пощипывает и всё!

– Что за бортом?

– Тишь да гладь, если не считать штормовой погоды.

Скопин взглянул на связиста, вздёргивая головой в молчаливом вопросе. Тот также молча, поглядывая на экран, отрицательно покачал головой.

– Связи нет, ни «джи-пи-эс», ни «глонасс».

– Восстано?вите работоспособность – свяжитесь и доложите о нештатной ситуации.

– Само собой. Только странно всё как-то, – озадаченно проронил старпом, – прям такое впечатление, что нас перекинуло… перенос ети его.

– Что? – не понял Терентьев. – Какой нахрен ещё перенос?

– Да шутка, конечно, – тут же осадил Скопин, но без намёка на веселье. Скорей даже зло. Бросил короткий взгляд в сторону консоли с мониторами. – Координаты пока не установили. Вот только погода! Штормит как-то… по-другому. Даже запах у моря иной. Вот и лезет всякий бред, как в любимых книжках моего племяша. Про этих, как их… вспомнил – попаданцев. У нас тут кое-кто из любителей подобного чтива уже выдвигает версии, что либо в Отечественную забросило, либо в русско-японскую. А то и вообще нашего «Петра Великого» к Петру Первому с его «флоту быть!».

– Упаси от самодура, – неожиданно пробурчал Терентьев, готовый уже поверить в любой сценарий. Его, видимо, слегка подташнивало, и он туго соображал. – Ладно! Ты за главного. Без авантюр. Обо всём докладывать. Я в лазарет. Как мне…

Опершись о подлокотники кресла, он осторожно встал.

– Так, парни, – старпом обратился к двум матросам-контрактникам, что пришли с ним, – командира сопроводите в медчасть. Только аккуратней, лихоманы.

* * *

«Ерунда всё это! С переносом в русско-японскую пятого года, и уж тем более с петровской эпохой», – казалось, Скопин был разочарован, принимая обработку данных с постов радиотехнического контроля.

Часть приёмопередающих блоков были оперативно заменены, и корабль снова полноценно обрёл способность видеть, слышать и активно заявлять о себе.

– Товарищ капитан второго ранга, – доложил вахтенный, – все требования по восстановлению связи с оперативным центром ГШ выполнили.

– И?

– Ответили, но полной абракадаброй. Может, попробовать по открытому каналу?

– Пока погоди. Осмотримся сначала, – не стал спешить старпом, – чёртова темень и тучи, даже на звёзды не взглянуть.

– Радиоэфир очень насыщен, даже на коротких волнах, – через двадцать минут отчитывался командир БЧ-7, – более того, по конфигурации сигналов предполагаю на орбите широкую орбитальную сеть.

– Американцы? Наши?

– По радиоэлектронным профилям идентифицируются и наши, но коды другие. Запасные, аварийные и прочие. Попробовал несколько схем связи, в том числе через узел связи «Марево».

– И чего?

– Подтвердили приём и сразу: «Вы кто?» Я тоже в открытую – код корабля и название. Они – «повторите». Я и…

– И чего?

– Да там вроде салабон сидел, а потом влез какой-то «мат-перемат» и послал куда… в общем, говорит, «передавай привет дяде Сэму». Может, подождём чутка, и шестнадцатый канал используем?

– А у нас серьёзная авария? – не согласился Скопин. – Давай не будем заниматься торопистикой. Ща по аварийному каналу выйдешь, и набежит целая свора не пойми кого.

– Разрешите доложить!

Прослушивать, в том числе и УКВ-эфир, Скопин посадил молодого парня-срочника. Тот знал ещё пару иностранных языков, помимо доминирующего в последнее время английского, и мог выудить что-либо проясняющее из вещаний многочисленных радиостанций.

– Разрешите доложить! – ещё раз повторил матрос, видя, что занятые важным офицеры не обратили на него внимания.

– Ну.

– Товарищ капитан второго ранга, – матрос стащил наушники только с одного уха, продолжая крутить ручку резистора настройки, – вы, по-моему, правы – это похоже на перенос.

– Мотивируй.

– Можно сказать о сегодняшней дате – первое или второе мая. Год… даже в новостных каналах не называют, я пока не услышал – но дайте время. А вот судя по музыке, хотя тут много латинской темы – это всё же ретро какое-то.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовавшись, Скопин потянул к себе наушники.

Однако стоило более пристрастно прослушать эфир, и наконец всплыла точная дата, со столетием и годом включительно. И реперы «Маяка» словили в обязательном порядке.

А через полчаса горизонт посветлел, и штурман подвёл последний штришок в определении координат. Эти совокупные данные заставили серьёзно задуматься внешне почти всегда улыбчивого капитана 2-го ранга Скопина, замещающего командира.

«Неспроста», – это было первое, что пришло ему на ум. Но к этому «неспроста» он не мог пока даже вообразить каких-либо действий, и уж тем более приложить.

«То-то в радиоцентре узла связи ВМФ нас сразу отфутболили. За разводку супостата приняли. Всё же какая заманчивая провокация! – Скопин, пощёлкав по клавишам, выкладывая данные из своего ноутбука и их нынешние координаты, примеривая их – и так и эдак, – хотя маленько пошалить-то и можно было бы».

Вызвал командира БЧ-1.

Штурман, капитан 3-го ранга, служил на крейсере уже три года и считался на корабле своего рода «дедушкой». На берегу и в той жизни у него остались жена и двое детей. Он ещё не осознал того факта, что может их уже никогда не увидеть, но мысли об этом не располагали к веселью.

Хоть штурман и являлся младшим по званию, но по годам лет на пять был взрослее старпома, поэтому испытывал непреднамеренное отеческое чувство ответственности к некоторым товарищам по службе – эдакую запутанную смесь субординации, разницы (пусть и маленькой) в возрасте и панибратства совместных попоек, где все были априори равны, как честно разлитое по стаканам. И просто обязан был спросить:

– По оперативке так ни на кого и не вышли?

– Да офигеть! Задача штатная, а ни в какую – два раза ещё пытались, – честно расстроился старпом, – ляпнули им даже координаты наши, в надежде, что заинтересуются и, глядишь, болтающееся поблизости судно-разведчик перенаправят. Так хрен! Наоборот – озлобились, тупо как провокаторов затроллили, явно заподозрив, что мы подстава бриттов замазать СССР в конфликте у Фолклендов.

– А по линии особиста не пробовали?

– Может, попозже – он скрюченный лежит с животом…

– Ладно. Давай, что там у тебя.

– Смотри, Виктор Алексеевич, мы тут, – Скопин раскрыл электронный планшет с картой.

– В курсе, – мрачно кивнул штурман, – куда пойдём?

– Домой.

Штурман снова кивнул, полностью одобряя решение помощника капитана.

– Обогнём острова по большой дуге, но курс надо проложить, чтобы пройти в ста милях от этой точки, – Скопин поставил маркер на карте, – крюк небольшой, но…

– Капитан сказал в глупости не лезть.

– А мы и не будем, – пожал плечами старпом, – мы просто укажем этим растяпам, что за ними охотятся, и пойдём себе дальше.

– Зряшно всё – не поверят эти, как ты говоришь, растяпы.

– Дадим им шанс! А уж воспользуются им или нет – то уже не наше дело. Интересно ж, как будет, а? И врагу западло!

Штурман слегка скривился в улыбке, скептически разглядывая незатейливый план на планшете.

– Запеленгуют со спутников, мы ж будем открытым текстом. Оно нам надо?

Однако видя, что старпом загорелся идеей, слегка поразмыслив, сделал другое предложение, ткнув ногтем в экран:

– Мы лучше спрямим. А вот с этой точки выпустим «камова». Ребята пусть передатчик накрутят, чтоб не больше чем на шестьдесят километров покрывал.

– Вертолёт как-то несолидно!

– Хо! Скажешь тоже, «несолидно»! Так прикажи «атэшку» подвесить… для солидности[16 - Самонаводящаяся противолодочная торпеда АТ–1М.].

Скопин прикусил губу:

– А ведь верно, с вертолёта можно пассивную гидроантенну опустить и следить за подлодкой практически онлайн, а бритты будут ни сном ни духом. С лётчиками Забиркина пошлём, он у нас полиглот.

Отыскав взглядом матроса, прослушивающего эфир, крикнул:

– Эй! Студент! Ты говорил, испанский знаешь?

– Так точно! – Тот хоть и сидел в наушниках, пожирал начальство глазами и среагировал сразу.

– Сдавай вахту и отдыхать. Но чтобы через восемь часов был как штык.

Скопин снова взглянул на штурмана:

– Ну, давай, Виктор Алексеевич, время нам известно, курс и скорость просчитай, чтобы выйти в точку тютелька в тютельку, – и уже с довольной улыбкой: – А торпеду прикажу повесить. Не сомневайся.

* * *

Расчёты штурманская боевая часть выдала быстро – до условной точки была прорва времени и всего лишь 60 миль. Можно было ползти, вытянув позади хвост пассивной антенны.

«Молодец штурман. Вариант с вертолётом куда как лучше: и курс пройдёт дальше от двухсотмильной зоны, и времени на обдумывание будет больше. А на остальное? Поглядим!»

Отдав распоряжение по курсу и скорости, Скопин посетил медблок.

Терентьеву вкололи обезболивающее и снотворное, поэтому поговорить с ним не удалось.

«Восемь, десять часов сна и покоя». С категоричным начальником медицинской службы капитаном Пономарёвым старший помощник спорить не стал.

В ходовой рубке обычная деловая рабочая обстановка. Вахтенный доложился – всё спокойно.

«Конечно, ребята переживают. Конечно, задаются вопросом “а что будет?”. Конечно, надо с экипажем по “громкой” поговорить. Но да ладно! Пусть уж как Терентьев оклемается – сам объясняет. До того слухи перебродят и улягутся. Спокойней будет. А пока командиры должны сохранять вид загадочный и бравый, дескать, знают, что делать».

Взглянул по курсу, так и не утратив в повседневности службы восхищения картины подминаемого под форштевень крейсера океана, выстреливавшего пенные брызги от бортов. Барометр падал, и волны достигали едва ли не восьми метров в высоту, дорвавшись заливать палубу.

«Вот они, их хвалёные “неистовые пятидесятые”![17 - «Ревущие сороковые», «неистовые пятидесятые» и, пожалуй, «пронзительные шестидесятые» – названия, данные моряками океаническим пространствам между 40° и 60° широтами в Южном полушарии планеты, рядом с Антарктидой, где господствуют сильные, часто ураганной силы ветры.]»

Оглядываясь вокруг радарами, щупая воду гидроакустиками, крейсер выписывал противолодочный зигзаг, наверняка устаревший манёвр в веке самонаводящихся торпед и высокоточных ракет.

«Но мы-то знаем! Англы потопили этот “Бельграно” за пределами двухсотмильной зоны, да ещё и обычными торпедами! Может, у них тут помимо многоцелевой “Конкерор” ещё какие подлодки скрытничают. Потому – нафиг-нафиг! И противолодочный зигзаг и пассивный ГАС тянуть будем, благо спешить пока некуда. Ещё надо переговорить с лётчиками и сочинить историю для упрямого аргентинского капитана».

Скопин не удивился, что назвал капитана крейсера «Генерал Бельграно» упрямым.

«Прав штурман, не поверит просто так этот… как там его, – он снова нырнул в память ноутбука, – капитан Эктор Бонзо или Гектор Бонсо, хрен поймёшь!»

Топая по коридорам и трапам на корму, Скопин тяжело рассуждал, возвращаясь к своему первому «неспроста»: «Что ж действительно творится на белом свете-то? Вот так, совершенно неожиданно приходит понимание, что логика и законы, которыми руководствуется этот мир, вдруг могут быть нарушены».

Это как он иногда, смотря на взлетающий аэробус, вдруг воображал, что пилот не справляется и машина падает, сваливаясь на крыло, круша дома, полыхая и взрываясь. Впрочем, подобные киношные ролики и даже реалистические имеют место быть.

Тогда более радикальное – смотреть на привычный загородный пейзаж и вдруг представить, что началась война, и там, полностью ломая знакомую картинку, встаёт атомный гриб, потрясающий своей убийственностью и грандиозностью.

«Но опять же, это не выходит за рамки физики нашего мира. А то, что произошло с ними… Эй, ты, там! Бородатый с нимбом, ты чего затеял-то?! Что за провокация по сопоставимости? Наше “железо”[18 - Зачастую моряки называют свой корабль «железо», как правило, с уважительными нотками.] восьмидесятых годов постройки и перенос в 1982-й! И не куда-нибудь, а в южные широты, поближе к Фолклендам, где происходит реальная заваруха!»

Вдруг его ослепила мысль, что при правильном раскладе их «Орлан» и в одиночку практически порвёт всю эту разношерстную английскую армаду![19 - Морская группировка Королевских ВМС в Фолклендской операции насчитывала 125 кораблей, из которых более 80 являлись транспортными и

вспомогательными.]

«Одних “гранитов” хватит, чтоб перетопить все их “гермесы”, “инвинзиблы” вкупе с картонными “шефилдами”, не говоря уж о гражданских переделках типа “Атлантик Конвейер”[20 - Авианосцы «Гермес» и «Инвинсибл». «Шеффилд» – эсминец УРО, Атлантик Конвейер» – переоборудованный под авиатранспорт контейнеровоз, потопленные авиацией Аргентины в ходе боёв.]. Конечно, сложно будет без целеуказания… но решаемо! С помощью тех же дальних БЛА[21 - БЛА – беспилотный летательный аппарат.]. И останутся самой весомой проблемой лишь подлодки.

А если всё неспроста и у нас не будет иного выбора, кроме как ввязаться в драку? Не стоит ли сделать упреждающий осторожный шаг? Как говорится, признак прозорливости ума – уметь прокладывать варианты и цепочки будущего… И командир слёг, отложив до срока свою, как ни крути, рассудительность и властное решение. И я… правильно ли поступаю я?

Я! Я бегу по самой кромочке, где вода накатывается на песок. Ветер распугал всех рыбаков. Берег пустой. Никого. Прибоем накидало ракушечник и мёртвую рыбу. Только чайки да вездесущие городские воро?ны кружат, падкие на эту дохлятину. И даже одинокий голубь примазался к трапезе. И думаю: вот и меня так – выбросит прибой времени на берег бытия, где буду лежать никому не нужный. И людей никого. И вскоре наглые чайки и вороны будут драться за мои глаза – кто выклюет. И даже этот голубь – птица мира, блин…»

Почему-то было страшно не умереть, а именно вот так – валяться, когда-то живым, полным здоровья, а теперь безвольным мёртвым телом.

«Вот так… попробуешь там, в голове всё разложить по полочкам, упорядочить, а они никак не улягутся. То ползут как черепахи, то по течению плывут, лениво плавниками шевеля по-рыбьи. Или скачут сайгаками. А порой и мчат, летят птицами… Эх, мысли мои, мысли!.. Но что это я? Никто в авантюры и не лезет. Проинформируем “аргентинца” и бежать, бежать домой! Гордо вспенивая океан!

Какие у нас ещё варианты? Остаётся возможность ещё раз попытаться наладить связь с военно-морским командованием СССР, не покидая района Фолклендов.

Где-то близ островов рыбалит стая польских и советских траулеров (около 25 судов), среди которых, замаскировав надстройками мощные радары, один наш разведывательный вояка. Что разумно – было бы глупо упустить возможность не собрать данные и не поучиться на чужой драке. Но, поди, найди их. А вот ситуация с “Бельграно” даёт более чёткую хронологию и привязку по координатам.

Если “Конкерор” всё же топит “аргентинца”, тогда, по-моему, 5 мая в зону поиска должны подойти траулер-рыбзавод “Белокаменск” и такой же “Жуковский”[22 - БМТР – большой морозильный траулер-рыбзавод.]. У них есть выход на рыбное министерство СССР (шифрограммы те им слали регулярно), а это ещё одна возможность связи с Москвой.

Минус – в этом районе будет не протолкнуться от самолётов и спасательных кораблей. В том числе и британских самолётов-разведчиков. Англы, естественно, будут в бешенстве, если обнаружат у себя под носом в зоне конфликта нашего громилу “Орлана”.

Вот только сомнения – не спутаем ли мы карты политике партии, блин? Союз-то так и не ввязался в Фолклендский конфликт. Представляю: рыбаки связываются с Министерством рыбного хозяйства, те с МИДом, МИД с главкомом ВМФ, а тот в а?хере – единственный “Орлан” (“Киров”) у причальной стенки в Североморске».

Старпом недобро усмехнулся, останавливаясь. Машинально ответив на приветствие вытянувшегося матроса, он удивился, что за размышлениями уже пришёл.

* * *

С ребятами из полётной группы Скопин дружил. Цельные и разносторонние личности. С такими и в разведку, и горы свернуть, и как с мужиками в гараже, по-простецки крепко выпить под неприхотливую закуску… прямо в ангаре, устроившись на принайтовленных зиповских ящиках[23 - ЗИП – запасные изделия прилагаемые.]. И поговорить, знамо дело. Естественно, поговорили. Обсудили ситуацию в целом и возможные ходы.

– Загнул, загнул – «перетопить всех бриттов», – легкомысленно улыбался майор Харебов, командир экипажа машины под номером 37, – я ещё понимаю авианосцы, а эсминцы «граниты» просто насквозь прошьют! Вот если бы их фрегатики в рядок поставить, чтоб сразу одной ракетой пяток продырявить. Ха! Щю-ю-ютка! Хотя на мелочёвку у нас летающих железяк с избытком…

– Проблема с целеуказанием…

– Во-во! А наш «Орлан» не балерина, чтоб гоняться за ними по всей акватории. И тут ты прав, самые опасные – подлодки. А про «Конкерор» я ещё где-то слышал, что конкретно на этой ПэЭл у нас гидроакустическую станцию спёрли[24 - После победоносной Фолкленской войны «Conqueror» приняла участие в операции «Официантка» – краже буксируемой гидроакустической станции в советских территориальных водах.]. Суки.

– Так что… – майор зна?ково потянул простуженным носом, – если плюнуть сэрам в тарелку с овсянкой, я всеми руками и ногами – «за»!

– Было бы нехило, если бы предупреждённые латиносы бритта потопили, а мы сторона, – отвечал Скопин, а сам в голове: «Ну вот! Шёл на корму, преисполненный пацифистских, пусть и проказно-пакостных настроений, а ребята накачаны весьма воинственно. И ветер шквалистый их уже не тревожит, и ракет на внешнюю подвеску запросили, помимо противолодочной АТ-1. И как тут отказать?! Это ж как на танцы-шманцы-зажиманцы пойти, а причиндалы дома оставить».

Отношение лётчиков к жизни-смерти весьма философское – это тебе не по земле ходить или в море болтаться, у летунов всегда есть неприятный шанс грохнуться, что об землю, что об воду, и ещё неизвестно, какой из вариантов предпочтительней.

Поэтому, когда через восемь часов вышли в условную точку, Скопин снова дотопал до юта, к летунам – ещё раз пройтись по пунктам плана, раздать последние инструкции, переживая и пытаясь шутить: «вы там, ребята, аккуратней», «смотрите, парня не уроните за борт» (Забиркин откровенно дрейфил). И конечно, напутственное «ни пуха…», с неизменным ответным «к чёрту!».

Фолкленды-Мальвины

Неоднородность течения времени – замысловатость психики.

Но растягивая его в нудном ожидании или мельтеша секундами катастрофического запаздывания, мы ничего не меняем в законах мира. И наши сутки, согласно круглой шкале хронометра, неизменно идут к закату дня.

[25 - Falkland – английское название. Malvinas – испанское.]

Ещё 1 мая с северо-восточного и восточного направлений оперативные соединения ВМС Великобритании вышли на исходные позиции, оставив за 200-мильной зоной корабли сопровождения.

За день произошли разрозненные, разбросанные по времени стычки. Самолёты с «Гермеса» и «Инвинзибл» бомбили аргентинские позиции на захваченных островах, затем берег обстреливали артиллерией эсминцы и фрегаты. В свою очередь аргентинские ВВС наносили удары по кораблям противника. В небе сходились «Миражи», «Даггеры» и «Харриеры». Англичане активно использовали вертолёты.

Жаждали встречного боя противоборствующие корабли. Безуспешно отметилась подлодка «Сан-Луис» в поединке с кораблями радиолокационного дозора авианосца «Гермес». Хотя и англичане были не на высоте.

Если учитывать, что британцы задействовали все (аж целых 20 самолётов с авианосцев), а с аргентинской стороны учувствовало в налётах более чем в два раза больше, то можно сказать, что день был насыщен на события, а противники обменялись довольно чувствительными ударами. Аргентина лишилась патрульного катера и пяти самолётов. Англичане отделались лёгким испугом (кроме тех, конечно, кто погиб). При этом аргентинские людские потери были на порядок значительней.

К ночи, выполняя приказ командующего ВМС Британии Вудворда, основное соединение английских кораблей отошло на восток, сводя активность лишь к беспокоящим акциям. С северного направления осталась топтаться на месте противостоящая им тактическая группа во главе с авианосцем «Бентисинко де Майо». Кстати, так и не обнаруженная бриттами.

Узнав, что англичане отбежали за 200-мильную зону и стали недосягаемы для его ударной авиации, командующий аргентинскими силами вице-адмирал Леопольдо Галтьери Хуан Хосе Ломбардо (язык сломать) в свою очередь приказал отвести соединения флота на исходные позиции.

На южном, отвлекающем (по замыслам аргентинского командования) направлении маневрировал крейсер «Генерал Бельграно» с эскортом.

Ещё утром 1 мая «Конкерор», всплыв на перископ (командир ПЛ капитан 2-го ранга Рэдфорд-Браун определился: крейсер и два эсминца охранения), уже не прерывала контакт, сев противнику на хвост, периодически корректируя свою позицию, поддерживая постоянный контакт через спутник с командованием.

В 12 часов 30 минут командир крейсера «Генерал Бельграно» капитан 1-го ранга Э. Бонсо получил приказ следовать на исходный рубеж.

В точке координат 55°15? ю. ш. и 55°15? з. д. соединение повернуло на запад, следуя курсом 290°.

Корабли охранения (эсминцы УРО «Хиполито Боучар» и «Пьедро Буена») продолжали маневрировать на северном (угрожаемом) направлении по правому траверзу крейсера, хотя до группировки Вудворда было 240 миль и соединение фактически вышло из зоны действия палубных «Си Харриеров».

Скорость аргентинцев позволяла «Конкерор» крутиться вокруг, тем не менее продолжая оставаться на южной позиции – правый борт «Бельграно» прикрывала банка Бердвуда[26 - Банка Бердвуда – обширное мелководье к югу от Фолклендских островов.], куда подлодке соваться не следовало, и, как ни

крути, маячил эскорт, выполняя вялый противолодочный манёвр, больше следя за воздушной угрозой и борясь со штормом.

К тому времени температура опустилась до –10°, усилились порывы ветра, а десятиметровые волны заливали бедные эсминцы с «головой».

Наконец из Лондона пришёл приказ: «Топить!»

В 15 часов 20 минут на ходовой мостик крейсера «Бельграно» поступил доклад с радиорубки. Вахтенный офицер отнёсся к перехваченной радиограмме несколько скептически, однако был обязан проинформировать командира.

– Открытым текстом. Русские. Шпионская информация.

– В районе крутятся русские сейнеры, среди них наверняка есть разведывательные суда, – кивнул Бонсо, – что хотят?

– Заявляют, что перехватили радиообмен британской подводной лодки со спутником. Дают предположительный пеленг.

Капитан Бонсо взглянул на тактическую карту, прикидывая их координаты и данные радиограммы:

– Зачем бы это русским было надо? Может, это британская дезинформация? Удалось определить, с какого пеленга велась передача?

– Сигнал слабый, но примерно отсюда, – вахтенный офицер указал направление на карте.

– Что на локаторах?

– Ничего. Но погодные условия не самые благоприятные.

Капитан Бонсо ещё раз внимательно посмотрел на карту, для наглядности расставив макеты, условно обозначающие его корабли.

«Если сигнал слабый, – рассуждал Бонсо, – то судно, отправившее его, действительно может находиться вне зоны нашего радара. Это могут быть и русские, а вероятно, и хитрые бритты, отвлекающие его от основной угрозы атаки».

– На локаторе засветка! – буквально выпалил вахтенный. – Малоразмерная! По пеленгу радио. Дистанция двадцать миль.

«Либо малый катер, – тут же предположил капитан Бонсолибо, – либо вертолёт…»

– Либо рубка подлодки! – уже вслух предположил он.

И тут, подтверждая одну из его версий, вахтенный выдал новую информацию:

– Русские заявляют, что их вертолёт ведёт гидроакустическое слежение. Они засекли британскую субмарину!

Капитан Бонсо знал о присутствии подлодок противника в зоне боевых действий, но закономерно оглядывался на северо-восточное направление, где находилась основная британская группировка.

«Святая Мария, – до него вдруг дошло, – мы же идём практически по самой южной кромке банки Бердвуда – подлодка ни в коем разе там не станет маневрировать!»

– Мне нужен доклад акустиков! Внимание по левому борту! Прикажи «Хиполито Боучар» срочно перейти на левый траверс!

Его приказ совпал с новым сообщением русских:

– Лодка на позиции атаки!

Эсминец «Хиполито Боучар» ускорился, намереваясь обойти крейсер, с выходом на левый крамбол.

В этот момент майор Харебов, получая данные с опущенной в воду ГАС, глядя на хронологически точную распечатку событий, удивляясь своему волнению, гаркнул слегка тормозившему Забиркину:

– Быстро! Подлодка пустила торпеды!

Матрос забубнил на испанском, прижимая ладонью микрофон гарнитуры.

Торпедный залп услышали и акустики «Бельграно».

– Лево руля! – Бонсо схватился за подволок ходовой рубки, зная, что сейчас крейсер будет крениться при резком повороте.

Командир «Конкерор» производил атаку в тепличных условиях (до мишени всего 1200 метров, скорость и курс постоянные), при этом он ещё учитывал броневой пояс крейсера и выбрал обычные неуправляемые, но с бо?льшей боевой начинкой торпеды Мк.8, стреляя классическим ещё со Второй мировой войны веером.

Высокие волны захлёстывали перископ, и командир подлодки наблюдал за атакой в варианте качелей – в перекрестье вытянутый профиль крейсера – волна – и снова силуэт противника.

Неожиданно «Бельграно» совершил поворот. Раздался взрыв, взметнув над водой пенный столб, но в перископ было видно, что крейсер цел – более того, полным ходом направлялся в сторону подлодки.

– Погружение! – проорал команду Рэдфорд-Браун.

Возликовавший было при попадании своей торпеды экипаж субмарины притих, услышав ощутимые шлепки разрывов на поверхности – аргентинцы немедленно занялись поиском противника и уже стали глушить рыбу.

«Конкерор» нырнула на развороте, уходя на юг, накручивая полную скорость, отрываясь от преследования. Затем резко повернула на восток, скользя на 80

метрах под водой по инерции, и лишь потом ползла едва на двух узлах в юго-западном направлении, с уверенностью экипажа, что они разорвали гидроконтакт с навязчивым сонаром противника.

– Мы её потеряли, – докладывал всё тот же вахтенный капитану Бонсо.

– Прикажите «Пьедро Буена» вернуться к спасательным работам.

Видимо, «Конкерор» должна была сегодня отметиться победой. Автомат торпедной стрельбы пускал торпеды с упреждением – резко сманеврировавший «Бельграно» избежал попаданий, а вот обходящий его с крамбола «Хиполито» с ходу налетел на одну из Мк.8. Удар пришёлся в полубак, 750 фунтов взрывчатки торпеды просто сожрали 3000-тонный эсминец, полностью скрыв его в огненно-пенном взрыве, переломив надвое, мгновенно затягивая в пучину.

* * *

«Камов» продолжать висеть на месте, привязанный гидроакустической антенной к океану.

– Они её прое… потеряли. Крейсер на циркуляции, эсминец уходит, – удерживал тангенту на передачу Харебов.

– Если их навести? – Скопин ещё питал надежду, что аргентинцы загонят «Конкерор» на дно.

– Думаю, она на «полном» оторвётся от них.

– Возвращайтесь!

– А может?!! Она идёт прямо на нас!!!!

На том конце повисло молчание, лишь треск помех в наушниках.

«Ну, давай, давай, тёзка, – мысленно взывал Харебов, почти моля, – я бы её сейчас на раз, но не могу я без приказа!»

– На винты, – прохрипело в эфире.

– Конечно, – просиял майор. Старушка АТ-1М и без того была настроена на акустический поиск.

– Давай, – решился Скопин.

* * *

– Всего шесть человек! – Офицер медленно опускал трубку. Его бледное лицо наливалось краской. – Выживших всего шесть человек!

Капитану Бонсо показалось, что, произнося последние слова, его старший помощник не разжимал зубов.

Сам не менее огорошенный катастрофическими потерями, капитан чувствовал, что его нарастающий гнев отхлынул на фоне чужой, ещё бо?льшей тихой ненависти.

Над ним висели ещё дальнейшие отчёты и спрос командования за потерянный эсминец и, несмотря на самоуверенность, сомнение – стоило ли бросать «Пьедро» на поиск подлодки, жертвуя спасением экипажа торпедированного «Хиполито Боучар». И ещё он вдруг осознал, что если бы не предупреждение русских и его приказ на резкий манёвр, торпеда или торпеды (акустики заявляли как минимум о двух) поразили бы «Бельграно», и неизвестно – удержался бы тот на плаву.

– Вот он! – голос вахтенного вырвал его из тяжёлых раздумий. – Русский вертолёт!

Сто?ило бы подняться на мостик, чтобы в мощный визир получше рассмотреть чужую машину, но и цейсовский бинокль давал хорошее увеличение.

«Точно русский! Соосный коротыш, – согласился Эктор Бонсо, – таких кроме русских, по-моему, никто не делает».

Геликоптер как влитой висел над колышущейся серой массой океана, несмотря на порывы ветра и норовящие слизнуть его вниз особо вздымаемые девятые валы?.

«Они продолжают вести гидроакустическую разведку», – констатировал Бонсо, естественно, не разглядев с такого расстояния спущенную вниз кабель-антенну.

Вдруг он увидел, как от вертолёта отделился продолговатый предмет, нырнув в воду.

Капитан аж подался вперёд – увеличения сразу стало не хватать, захотелось перемотать видимое обратно, чтобы понять, что же там произошло?

И с паузой в три-четыре минуты он уже наблюдал вспухающий бугор подводного взрыва, казалось, буквально в трёх сотнях метров от вертолёта.

Машина русских дёрнулась, сместившись, блеснула остеклением, а потом скоро стала удаляться, превращаясь в темнеющую точку, пока и вовсе не скрылась.

Сконцентрировавшись на глазах, капитан Эктор Бонсо тем не менее не пропускал мимо ушей доклады с акустического поста, поэтому не удивился, когда на месте подводного взрыва появилась горбатая чёрная тень подводной лодки. Британец!

– Главным калибром! Огонь!

Два выстрела легли разбросанным недолётом. Следующий залп дал кучное накрытие, скрыв пенным частоколом торчащую рубку, когда на ПЛ неожиданно произошла детонация в районе кормы, ударив вспышкой и, как водится при подводном взрыве, выбросом воды. Едва пена опала, наблюдатели успели рассмотреть лишь живо погружающийся задранный вверх нос субмарины.

Всё произошло так быстро, что в рубке даже не успели выразить восторга по поводу уничтоженного противника. Лишь умудрившийся сохранить невозмутимость вахтенный деревянным голосом зачитал новую радиограмму:

– Русские поздравили с победой.

– Запишите в вахтенный журнал, – ровным голосом сказал командир крейсера, – в 14:50 соединение атаковано субмариной противника за двухсотмильной зоной боевых действий. В результате атаки торпедирован эсминец «Хиполито Боучар». Ответным артиллерийским огнём крейсера подводная лодка потоплена. Отправьте аналогичную шифрограмму в штаб.

– Русские называли её «Конкерор», – позволил себе вставку вахтенный.

– Исключительная осведомлённость! – В голосе капитана Бонсо скользнула издевка. – Добавьте в журнал: во время боестолкновения установлен контакт с неизвестным советским военным кораблём. Отправьте аналогичную шифрограмму в штаб.

«Ведь то, что уронил тот вертолёт, не иначе торпеда, – здраво рассудил Эктор Бонсо, – а стало быть, машина с военного корабля. Хотелось бы мне взглянуть на этот русский корабль. И уж как минимум поблагодарить его капитана».

– И ещё! – Командир оглядел офицеров. – Я бы хотел, чтобы экипаж меньше трепался о нашем контакте с русскими.

«Бельграно» не торопясь подошёл к месту гибели субмарины.

Командир крейсера капитан 1-го ранга Эктор Бонсо почти равнодушно взирал с крыла мостика, как матросы баграми пытались что-либо выудить из плавучих останков британской подлодки. На борт подняли десяток трупов и лишь троих выживших.

«Могли ли мы захватить английскую подлодку, а экипаж пленить? Вряд ли – англичане упрямы. Как минимум пришлось бы отбиваться от наседающих самолётов противника, а, в конце концов, наглые британцы подняли бы вой, что

мы непозволительно действуем за пределами 200-мильной зоны. Тем более на субмарине явно что-то с запозданием детонировало после попадания русской торпеды».

* * *

Командующий морскими операциями вице-адмирал Ломбардо получил шифровку от командира «Бельграно», только телеграмма имела некоторое дополнение к тексту, предложенному капитаном Бонсо.

Ничего не было странного в том, что аргентинское командование, а тем более политическая хунта, имели на флоте и в армии своих агентов военной полиции и осведомителей. Унтер-офицер, который внёс в шифрограмму своё донесение, не прослушивал радиообмен с русскими, не находился на мостике с биноклем, чтобы увидеть торпедную атаку вертолёта. Однако, несмотря на попытки офицеров пресечь лишние разговоры, замечания вахты наблюдателей на мостике, комментарии акустиков говорили о более чем непрямом отношении русских к потоплению британской ПЛ.

Вице-адмирал Ломбардо отправил победную реляцию в Буэнос-Айрес – размен 3000-тонного эсминца на атомную многоцелевую подлодку пошел в положительный зачёт.

Участие третьей стороны принижало вклад его подчинённых в одержанную победу, да и не особо он поверил в активное вмешательство русских. Поэтому донесение агента полетело в корзину.

Однако этим дело не ограничилось. Аргентинская разведка перехватила радио с чилийского арктического транспорта «Пилото Пардо» – тот сообщал о наблюдении в точке координат 57°15? ю. ш. и 64°15? з. д. крупного военного корабля.

Барражирующий неподалёку разведывательный самолёт «Нептун» с авиабазы Рио-Гранде получил целеуказание и также обнаружил корабль, совершив облёт и даже сфотографировав. При «обмене любезностями» в эфире аргентинский пилот неправильно расслышал название корабля, переведя его как «Святой Пётр». Что вызвало естественное недоверие и путаницу в штабе – как это

коммунисты и «святой»?

Совсем по-другому отнеслись к информации британцы. К тому времени Аргентина уже объявила о потоплении «Конкерор». Посыпались взаимные обвинения ведения боевых действий за пределами исключительной зоны, где аргентинское звучало примерно так: «а вы первые!», имея в виду торпедированный «Хиполито».

Потеря атомной подлодки это утрата престижа, гордости и собственной уверенности. Упрямые ослики в головах британцев не заморачивались самокопанием, занявшись поиском виновных.

Слив информации о неизвестном военном корабле чилийцами, имеющих зуб на Буэнос-Айрес, лишь подогрел веру упрямых голов, что «что-то тут нечисто». Несмотря на утерю хватки в мировом лидерстве, самоуверенные альбионцы не могли допустить, что им могут навалять вояки страны третьего мира.

Ещё не случился шок от потери «Шеффилда»[27 - События реальной истории 4 мая 1982 года.], когда было уязвлено превосходство белого человека, получившего плюху от «прикопчённых» латиносов. Кстати, когда самолёты аргентинских ВВС подожгли этот эсминец дозора, некоторые умники, согласно свойству психики человека к самолечению, нашли косвенное оправдание собственному разгильдяйству и некомпетентности – самолёты-то и ракеты были французские! Моментально причислив как минимум пренебрежительно воспринимаемых «лягушатников» к лону просвещённых европейцев.

Британская разведка (МИ-6) закусила удила, умудрившись выудить не только фото, сделанные аргентинским «Нептуном», но даже перетряхнуть пресловутую «корзину» вице-адмирала Ломбардо. Иначе говоря, секретная часть шифровки с крейсера «Бельграно» легла на стол в штабе ВМС в Нортвуде.

В Лондоне поначалу отнеслись ко всему как к провокационной дезинформации, зная о попытках руководства Аргентины сыграть на противоречиях западных стран и СССР[28 - 10 мая 1982 года министр иностранных дел Аргентины Коста Мендеса в беседе с госсекретарем США А. Хейгом заявил, что его страна может обратиться за военной помощью к Советскому Союзу.].

Тем не менее взлетевший с чилийского острова Сан-Феликс самолёт радиотехнической разведки «Нимрод», в полётном плане которого было хоть что-то прояснить с ПЛ «Конкерор» на месте, получил дополнительную задачу.

Имея совокупные данные от чилийского судна и аргентинского самолёта, «Нимрод» смог легко выйти на искомый корабль. Однако на «Неизвестный корабль, это самолёт ВВС Великобритании. Опознайте себя!» внизу отмолчались, а снимки с воздуха вышли уже не чёткими – темнело.

Само по себе наличие советских военных в зоне конфликта крайне нервировало Форин Офис. Но там даже несмотря на русофобство, пока ещё не верили, что русские отважатся под собственным флагом ввязываться в войну со страной, входящей в НАТО. То есть предоставить разведданные и даже сорвать атаку «Конкерор» ещё допускали, но применение оружия относили к разряду невероятного.

Однако вскоре лимит адекватной оценки «невероятного» британскими военными аналитиками был исчерпан, точнее, просто похоронен под сравнительными выводами всех полученных с самолётов фотографий с каталогом военных кораблей стран Варшавского договора.

В британском штабе были ошарашены. Снимки из южной Атлантики, несомненно, указывали на то, что это «Kirov-class battlecruiser». Тяжёлый атомный крейсер типа «Орлан».

В строю у русских был пока только один – «Киров», который на данный момент (а это была проверенная информация) базировался в Североморске. Ещё один корабль был в стадии достройки. И это тоже было достоверно известно.

Так или иначе, две невероятности сложились в одну – русские сумели скрытно построить и пустить в эксплуатацию ещё один тяжёлый крейсер (получилось же у японцев с их «Ямато»). Спроектированный для завоевания превосходства на море, оснащённый ракетами с ядерной головной частью, этот монстр в данный момент режет воду вблизи Фолклендских островов, угрожая британским экспедиционным силам.

Оперативности МИ-6 и быстроте реакции военного комитета в Нортвуде можно было позавидовать. Первым, к кому побежали жаловаться – к американцам. Те

обещали вмешаться, но демократия имеет некоторую инерцию в принятии решений, потому попросили подождать до завтра.

Не дожидаясь каких-либо разъяснений из Москвы (уже было девять часов вечера), лишь потревожив телефонным звонком советского дипломата в Лондоне, был принят предварительный план действий. Командующий британскими ВМС адмирал Дж. Филдхауз предлагал воздержаться от радикальных акций до прояснения обстановки, но под давлением Тэтчер, которая рассчитывала на поддержку США, решение утвердили.

В 10 часов 45 минут с американской авиабазы на острове Вознесения взлетели два английских бомбардировщика «Вулкан», следом поднялись десять самолётов-заправщиков «Виктор»[29 - Остров Вознесения (3800 км от Фолклендов). Для полётов с базы до места боевых действий британским самолётам приходилось использовать несколько самолётов-заправщиков.].

«Вулканы» несли по две американские противорадиолокационные управляемые ракеты «Шрайк», едва ли не «на коленке» приспособив их под пилоны для штатных «Скрайболт».

Несмотря на своё пассивное недовольство, Филдхауз понимал, что «Шрайк» не нанесут фатального поражения тяжёлому крейсеру, но повредив радиолокационное вооружение, выведут его из игры как боевую единицу. Ко всему была необходимость в предвосхищении событий – полётное время до Фолклендов составляло не менее девяти часов. Русский крейсер мог находиться ещё дальше, «если ни вообще чёрт знает где».

Если же за это время что-либо изменится, удар «Вулканов» можно перенацелить – по радарам аргентинских ПВО на островах.

По большому счёту в британском штабе и не сомневались в причинах появления и намерениях русского боевого корабля в зоне конфликта, зная о переговорах Советов и Буэнос-Айреса. Поэтому информация об активности русских была воспринята как само собой разумеющееся. Опережающие действия были не в новинку для британских вооружённых сил – достаточно вспомнить, с одной стороны, коварный, но с другой – вполне логичный упреждающей удар по флоту французов в 1940 году[30 - Имеется в виду операция «Катапульта», по

нейтрализации на тот момент ещё союзнического флота, чтобы французские корабли не достались гитлеровской Германии.].

Был один недостаток в такой бешеной оперативности британцев. Надо не забывать, что уже накатывала ночь, а англичане так перевозбудились, действия разведки из-за цейтнота были так грубы и торопливы, что они умудрились наследить, сумев заинтересовать аргентинцев.

Там тоже сверили фотографии, поцокали языком при ознакомлении с ТТХ и боевыми возможностями русского крейсера.

Кого-то из руководства в Буэнос-Айресе ещё не покидала надежда на маленькую победоносную войну, но более рассудительные головы видели, с какой упёртостью взялись за дело британцы, поэтому посчитали, что иметь дополнительный козырь будет не лишним.

Советский посол в Лондоне отнёсся к выказанным претензиям МИДа Британии более чем серьёзно, ещё в тот же вечер связался со своим руководством, провоцируя телефонные трели по цепочке ответственных лиц Союза, вплоть до главкома флота.

Поэтому рано утром советское правительство официально заявило, что «британское правительство использует сфальсифицированные материалы о якобы причастности Советского Союза к англо-аргентинскому конфликту в качестве дипломатической ширмы для своих военных акций в Южной Атлантике». Далее следовало заверение, что запечатлённый на снимках корабль не является и не может принадлежать к флоту СССР.

На Западе история с крейсером была скинута журналистам на растерзание, и по мере перемещения линии терминатора по часовым поясам, средства массовой информации буквально вспухали сенсационными заголовками с обвинениями СССР в пособничестве агрессорам. Самым пиковым, наверное, был комментарий в лондонской «Таймс», предлагавший объявить «ничейный» крейсер пиратским, устроить на него международную охоту, а «экипаж по поимке, как в старые добрые времена (интересно, что они нашли в этом доброго) – вешать на реях»! Венчал статью довольно точный, но карикатурный рисунок «Кирова» с красным

флагом на топе, где звезда, серп и молот были стилизованы под череп и кости. И заголовок – «Атомный корсар XX века»!

США напряглись оперативно-стратегическим объединением, включающим действующие в Атлантике 2-й, 4-й и 6-й флоты ВМС. Однако адмиралы при возможном контакте с «пиратским» русским крейсером не собирались подставляться под его кошмарные «shipwreck»[31 - «Shipwreck» – натовская классификация ПКР «Гранит».], намереваясь держаться на 600-километровой дистанции, развернув дозорную завесу подводных лодок.

Рональд Рейган ещё не назвал Советский Союз «империей зла», но на совещании комитета начальников штабов высказал неоднозначное пожелание. Поэтому американские подводники имели тайный приказ, если случится возможность, под шумок торпедировать крейсер.

* * *

В ночь со второго на третье мая события к северу от островов не отличались от известных в реальной истории. Вертолёт «Си Кинг» с «Инвинзибл» уничтожил патрульный катер «Комодоро Самеллера».

Перед самым рассветом вертолёт «Линск» с эсминца «Глазго» обстрелял из бортовых пушек малый артиллерийский корабль «Альферес Собрааль» – бывший 700-тонный буксир американской постройки. Ответный огонь 20- и 40-миллиметровых пушек заставил англичан убраться, но зависнув в зоне недосягаемости, «Линск» поразил противника двумя ракета «Си Скьюа»[32 - Через двое суток, справившись с пожарами, аргентинский экипаж привёл корабль на базу.]. Удовлетворившись видом пылающего корабля, англичане вернулись на корабль базирования.

Однако дальше пошли расхождения! Вскоре вся корабельная группировка британцев оттянулась севернее – командующий экспедиционными силами контр-адмирал Вудворд опасался прорыва русского крейсера на дистанцию атаки противокорабельными ракетами.

По-прежнему находились в отрыве от основных сил группы корабли дальнего радиолокационного дозора, лишь растянув позиции первой и второй линий на лишние 5–10 миль. Атомная ПЛ «Спартан» покинула свою позицию к западу от Фолклендов и ушла на замену «Конкерор».

Тем не менее Вудворт, как бы давая понять подчинённым, что никто их не сможет остановить, не стал отменять запланированных операций. Готовились: эвакуация с островов, выполнивших задание разведывательных групп, и высадка новых, авиаудар по позициям аргентинцев и артобстрел с кораблей.

Ещё можно было бы добавить, что потеря «Конкерор» и дальнейшие события негласно расширили зону боевых действий за пределы пресловутой двухсотмильной.

* * *

В известной истории торпедирование крейсера «Бельграно» привело к тому, что аргентинцы стали серьёзно опасаться потерять ещё и свой единственный авианосец «Бентисинко де Майо». 5 мая корабль вернулся на главную военно-морскую базу, где и простоял до конца войны. Его авиагруппа была переброшена на Огненную Землю.

В нашем же случае в Буэнос-Айресе, окрылённые успехом, потребовали от вице-адмирала Ломбардо более решительных действий.

Согласно приказу, утром 3 мая, командующий тактическим соединением FT-79 контр-адмирал Г. Алльяра выдвинул свои корабли в юго-восточном направлении. С континентальных аэродромов готовились подняться ударные самолёты оперативной группы ВВС «Юг» и поддержать флот. Однако разведывательные «Треккеры» с авианосца противника не обнаружили – британцы отошли.

Тем не менее приказа отвести соединение не поступило. Авианосец «Бентисинко де Майо», окружённый эскортом, продолжал маневрировать на передовой позиции, медленно приближая время своей гибели.

* * *

В 7:15 патрульный самолёт «Нептун 2Р112», искавший русский крейсер на пределе своей дальности, возвращаясь на базу, неожиданно обнаружил искомый корабль гораздо ближе к материку.

«Генерал Бельграно», оставаясь в своей зоне оперативного маневрирования, лишь утром получивший приказ следовать в порт Ушуая, чтобы сдать пленных с английской подлодки и покоящиеся в корабельном морозильнике тела моряков, развернули, предполагая использовать для рандеву с русским кораблём. Вертолётом на борт «Бельграно» срочно прибыл полномочный представитель правящей хунты с военными советниками.

Англичане также бросили немалые силы на поиск, опираясь в основном на патрульную авиацию. Информация от «чилийца», имевшего контакт с русским крейсером, уже устарела. Но зная примерно курс и скорость, британцы, здраво рассуждая, ориентировочно вывели район местонахождения «русского» – к юго-востоку, востоку от Фолклендских островов. Только здравый смысл англичан основывался на фобии, что русский пират будет непременно атаковать, подло зайдя британским соединениям с тыла. Мысль, что это кратчайший маршрут по пути через Атлантику, на свою базу в Кольском заливе им даже в голову не пришла.

Между Фолклендами и островами Южная Георгия безнадежно болтался корабль ледовой разведки «Эндьюранс», высылая для бо?льшего охвата наблюдения бортовой вертолёт. Именно специалисты «Эндьюранс» дешифровали перехваченное сообщение с самолёта «Нептун», наведя на поиск «Нимрод».

Точка координат указывала, что русский словно и не покидал района, где был потоплен «Конкерор». Этот факт несколько запутал все тактические домыслы британской стороны, однако Лондон был по-прежнему настроен решительно.

Два бомбардировщика «Вулкан» были ещё на подлёте, производя очередную дозаправку в воздухе.

Теперь им предстояло преодолеть лишнюю тысячу километров, и почти впритык рассчитанного топлива могло не хватить на обратный путь. Однако британское командование не отменило операцию, рассматривая варианты посадить одну из машин либо в Чили, либо в Бразилии, с естественным интернированием экипажа.

Базировавшийся на чилийской базе в Сан-Феликс «Нимрод MR.1» сначала зафиксировал работу мощной радарной системы, затем обнаружил корабль, опознанный им как «Генерал Бельграно». И в нескольких милях, наконец, пилоты увидели предмет головной боли своих адмиралов – «Kirov-battlecruiser».

Крейсер «Пётр Великий»

Мир таким не со?здан,

Я в ладони звёзды,

Лёгкие, как воздух,

Я – соберу!

Снилось детство. Такое… ушедшее, где-то счастливое, когда-то безоблачное, но во сне незримо тёплое и близкое.

Мальчишки. Приехали на обрывы к заливу, накрутив ве?ликами по пыльным летним дорогам. Окунулись. Просохли и все тут же засобирались обратно… А он остался – любил бродить тут в одиночестве и в тайной детской надежде. Почему-то всегда верил, что с ним обязательно произойдёт что-нибудь необычное!

Где-то слышал, что каждый год Азовское море, подмывая побережье, забирает у суши до десяти метров. И частенько прикатывал сюда на велосипеде. Потом брёл по песчаной полосе, задирая голову на высоченный обрыв, отмеченный осыпями, оголяющими древние наслоения породы, ожидая, что когда-нибудь обвалившийся кусок обнажит чего-нибудь эдакое.

– Гли-но-зём, – по слогам произнёс мудреное словцо, пока ещё не подкреплённое планомерной школьной программой.

Он любил всякие такие словечки, которыми можно покозырять перед друзьями, которые обильно вливались в его детский мозг-губку с массивом нужной и

ненужной информации из десятков читаных книг.

Впрочем, десятилетний мальчик едва ли так построил бы своё предложение, даже с оглядкой на своеобразную начитанность.

Своеобразной его начитанность была потому, что книги глотал, как сладкую газировку из автомата, не жалея три копейки. Особенно когда накрутишь педалями от центрального пляжа до «второго» вдоль «железки» против ветра, вспаренный по лету с пересохшим ртом[33 - «Второй» – расхожее название второго жилого микрорайона. От центрального городского пляжа до «второго»].

Глотал, не ощущая вкуса – лишь бы удовлетворить жажду. Жажду книжных приключений и великих тайн. Спеша за сюжетом с нетерпеливо подстёгивающим «а что же дальше?!». Порой, сокращая для себя сложносоставные слова, неправильно ставя ударения, перескакивая через строчки. Имея самый точный ориентир на странице – начало абзаца с многообещающими: «вдруг», «однажды» или «неожиданно», с которых и начиналось самое захватывающее.[34 - примерно 10 км. «Железка» – железная дорога, проложенная вдоль лимана.]

Ещё раз окинул взглядом выгнутую дугой, уходящую вдаль коричневую полосу обрыва, в надежде, может, сейчас ссыплется с кручи пласт земли и обнажит тускло поблёскивающий металлом бок инопланетного космического корабля.

«Эх, это только в книжках может быть. Всё, теперь домой! И так задержался. Ещё к бабушке заехать, хотя бы минут на пять. Мама всё ровно спросит – где был? Не говорить же, что ездили с пацанами аж на аэродром. Заругает. А так скажу: “Где, где – у бабушки!” Ведь был же? Был! Ну и что, что всего пять минут». Пусть и не полная правда, но откровенно врать не хотелось.

Лихо просвистел ветром в ушах до бабушкиных восхитительно пахнущих пышек, с тающим на коричневатой корочке мёдом. Успев даже повесить (петля на шею!) на шелковице у кустов малины куклу вредной москвички Любки, с табличкой: «Она жрала малину!». «А чего она, зараза – утром приедешь, в надежде малинки, за ночь поспевшей, поклевать, а тут уже “понаехавшие” отметились».

И домой! Закатив в подвал многоэтажки велосипед, удачно миновал мамины кордоны-макароны…

«Да нет! Ну, вкусно, конечно! Но после бабушкиных лепёшек совсем не хочется».

Потом папа с работы пришёл слегка пьяный – в самой своей лучшей доброй стадии, когда можно было чего-нибудь выпросить. Одно плохо – будет ночью на кухню бегать воду хлебать. И конечно, увидит полоску света из-под дверной щели, распахивая дверь с рыком: «А ну быстро спать! Читаешь лёжа – зрение портишь!» А толку – фонарик и под одеяло!

И… читать, читать! И книга попалась про военный корабль… в океане… и он почти старший офицер…

Трясли за плечо настойчиво, но аккуратно.

– Что? – Снилось что-то такое сладкое… – Что? Что-то случилось?

Скопин разлепил глаза, машинально взглянув на светящийся циферблат.

«Ох ты… “собака[35 - «Собачья вахта» – вахта на флоте, длящаяся с 00:00 до 04:00 часов.]”, три часа спал!»

– Что случилось?

– Товарищ капитан второго ранга! Командир на ГКП требует, – лица вестового не было видно – лишь силуэт на фоне открытой двери каюты.

«О! Терентьев наконец-то оклемался».

Но тут в коридоре послышались неторопливые шаги, проём загородила массивная фигура, вообще перекрыв доступ свету.

– Сам пришёл, – голос Терентьева звучал глухо, и Скопину показалось – замогильно.

«Ща начнёт строить, – предвиделся тяжёлый разговор с командиром, – разнос неминуем».

Вестовой шмыгнул из каюты, мягко прикрыв за собой дверь.

Однако, устроившись у рундука, Терентьев начал совершенно о другом:

– Ты знаешь, а мы-то и как прогрессоры совсем несостоятельны.

– В смысле?

– Мобильники все эти, компьютеры, даже твой ноутбук – всё это уже есть. Пусть не массово, но в опытных разработках. А наши пока изучат, пока освоят производство (ведь тут важна технология), на Западе уже пойдёт массовый вал. Точнее в Китае. Да, несомненно, где-то можно сэкономить и сократить время разработок. Не делать лишних движений. Но я представляю, какая это инертная машина – Советский Союз.

– Но в целом аутсайдерская информация… горбачёвы-ельцины, маккейны, баракобамы, алькаиды? – Мозг медленно просыпался, но Скопин легко включился в разговор – сам об этом думал накануне.

– Вот это самое худшее, – вздохнул Терентьев, – ладно, если бы узкий круг: я, ты, несмотря на твоё порой легкомыслие. Но нас на корабле более шестиста человек, и каждый знает. При Сталине всех вообще бы распределили: толковых по шарашкам, бездарей (благо у нас таких единицы) в тьмутаракань-Колыму. Кто в Кремле сейчас? По-моему, Андропов. И КГБ никто ещё не отменял в восьмидесятый-то год. Что им делать с пьяными языками, которые знают о развале Союза?

– Будут так же служить на «Петре»…

– Крейсер всё же напичкан «новым», его поставят у дальней стенки, обнесут забором и распотрошат, по крайней мере, по электронике точно! Для главкома флота это ещё одна боевая единица, для страны ещё одна статья расходов, но несомненно – это подарок. А вот нам всем что?

– Что?

– Мы-то расслаблены. В квартирах унитазы-ванны-комфорты, у большинства уже хорошие иномарки (были). Ты легко перескочишь на… хорошо, тебе за заслуги перед родиной и партией – «Волга-двадцатьчетвёрка»!

– Мя-я-ягкая, – также мягко стеля, причмокнул не без улыбки Скопин.

– Да, мягкая, но вечно воняющая бензином.

– Да ладно тебе, это всё быт, люди привыкают ко всему! – Скопин вдруг встрепенулся, вскочив. – А не думаешь ли ты, что кто-то уже из экипажа надумал к амерам податься и за этот самый комфорт продать… инфу какую… эту самую аутсайдерскую? А пусть попробует! Мы ни в какой порт заходить не будем до самого Союза. Если какая падла найдётся – пусть вон в арктические воды ныряет. Ему ребята из «дэшэка» грузиков свинцовых подвесят. Да и вообще, надо замполита подрядить, чтобы с экипажем работу провёл, морально-душевную. Да и сам ты… утром, конечно…

– Поговорил в общих чертах, даже прошёлся по БЧ – умы? в брожении, но не рефлексируют. Ни о будущем, ни о прошлом. Словно ни у кого не осталось там семей. Словно им тут не вливаться в новую жизнь. Эта история с «Конкерор»… все воинственны до невозможности. И ладно бы только молодые пацаны. Лишних тут у нас почти нету – офицеры и контрактники. Срочников раз-два – обчёлся! Но даже твой Забиркин – тощая грудь колесом, чуть ли не лично расправился с атомной ПЛ. Как дети, право!

– Зато сам же говоришь, без рефлексий и нервных срывов.

– Ну, хоть тут спасибо. Но вот скажи мне, импровизатор-авантюрист… за каким ты хреном в это полез? А?

«Ну вот – командир плавно подошёл к выволочке», – Скопин на мгновение выпал в думках, потом взъерошив волосы, возбуждённо выдохнул:

– А помнишь нашу игру, когда «все всё знают»? Опустим Первую мировую. Но вот когда Гитлер знает, и Сталин знает, и миллионы, включая будущих погибших,

знают. И все, зная, говорят: немцы – «не надо нам позора ещё хуже версальского». Русские – ужас! Миллионы погибших! И все опускают руки и говорят «нахрен». А Гитлер в ответ: «мы пойдём другим путём» и давай перекраивать «Барбароссу». А и Сталин тоже не дурак, бесноватому верить. Кто тогда опять был в выигрыше? И так и эдак – при всех раскладах?

– Помню – англосаксы.

– Вот поэтому!

– Не ори!

– Молчу! Знаешь, наверное, единственный раз почувствовал, что могу что-то, ну хоть не изменить, но коснуться, чтобы траектория пошла по-другому, с надеждой, что лучше.

Скопин глубоко вдохнул, шумно выпуская воздух и, успокоившись, возвратился к разговору:

– А что там сейчас страна? Андропову недолго. Союз на пике могущества, но уже как с горы – набрал скорость. Люди… прикинь, родители ещё молодые, только первомай отгуляли, нам в школу с утра. А скоро каникулы, и как всегда казалось вначале – впереди целая вечность лета. А помнишь дядю Славу-моряка?

Скопин даже глаза прикрыл. Всплывали образы из предутреннего сна, погружая почему-то всегда в солнечные воспоминания детства.

Над их микрорайоном пролетали, нередко ревя форсажем, «сушки», а мимо дома проходила одноколейка в техзону, и все мальчишки разрывались между мечтой стать лётчиками или машинистами тепловозов, в которые их иногда добрые дяденьки-железнодорожники пускали прокатиться-поглазеть. Ровно до той поры, пока в их небольшой двухподъездной трёхэтажке не поселился дядя Слава. Моряк-отставник – вполне крепкий жилистый мужик, но что-то хватанувший на службе, что его списали с совершенно незаметной инвалидностью (ведь для них тогдашних пацанов инвалид это человек без ноги, например).

Именно дядя Слава их и заразил морем. Правда, из всей их ватаги только вот Колька Терентьев да он поступили в мореходку. Колька-отличник с первого раза и на два года раньше.

– Помню, – сдержанно кивнул командир.

– Да-а-а, – протянул Скопин, – дядя Слава был личность!

– Личность, – повторил Терентьев, но не подтверждая, а словно пробуя слово на вкус, – когда в дело вступает статистика – мы уже не личности.

– Ты о чём?

– Англичане взяли на эту войну ядерное оружие… – Терентьев запнулся, пытаясь подобрать слова поточнее.

– Если англы начнут проигрывать, у Тэтчер хватит яиц для ядерного удара? – догадался Скопин.

– Да. Но дело даже не в этом локальном конфликте. Мы едва тут появились – уже пали?м по-тихому. А как поведут себя наши ястребы в Кремле, если узнают про перестройку со всем последующим бардаком? Не захотят ли вдарить, упреждая, пока СССР ещё может вдарить, чёрт меня подери? Понимаешь, все эти люди, даже если это параллельная (не наша реальность), имеют право на жизнь, спокойную, без войны. Хотя бы до того времени, пока не начался развал, перестройка и всё прочее. Мы же своим вмешательством можем разрушить даже тот не всегда самый приятный мир, что получился в нашей истории.

– Да уж… думаешь ты весьма… о многом, – Скопин потерялся в попытке выразить свои комментарии.

– Думаю! – Жёстко кивнул Терентьев. – А ещё я думаю, что мы (весь экипаж, все 635 человек) придём в страну, где у нас нет никого и ничего. Ни дома, ни квартиры, ни даже комнаты в общаге. Помнишь, как мыкались после перестройки, без зарплат, никому не нужные?

– А ты не рефлексуешь по тому, что осталось там? – осторожно спросил Скопин. – Дети, жена?

– Дети? Дети, словно скомканные, сконцентрированные, не развернувшиеся человеческие сущности-личности. Но до поры. Они как ростки зелёные весной – пробьются через асфальт.

– Жена?

– А что жена? Найдёт другого.

– Не ревнуешь?

Терентьев пожал плечами.

– У меня сейчас забот, что не до сердечных думок. Сам знаешь, как у меня было: семейная жизнь – рутина. Бродит где-то чувство собственности, что она будет так же кричать под другим. Глупо, конечно. Претензия на исключительность.

– Хочется сказать «сочувствую».

– Хочется зафигачить тебе чайником, дурак!

Наконец заржали, находя в этом лекарство для психики и перегруженного думами мозга. Но отсмеялись всё же коротко, а Терентьев даже скомканно в конце. Его улыбка погасла, а взгляд переместился на наручные часы.

– Теперь я хочу услышать то, что не занесено в вахтенный журнал. Харебов и второй номер отбились – решил дать им поспать, как и тебе, кстати. А Забиркин ещё тот рассказчик.

– Нифига себе поспать!!!

– А три часа мало? Ты мне коротко, и опять ложись. Чувствую, с утра нам понадобятся трезвые головы и всё внимание.

– Забиркин как переводчик, надеюсь, радиообмен с аргентинцами изложил?

– Я читал ваш предполётный горе-конспект, – вроде бы одобрительно кивнул Терентьев, однако метнув недобрый взгляд, – а торпеду ты заранее решил подвесить, согласно закону жанра – ружьё в начале пьесы обязательно выстрелит в конце. Да?

– Да её списать уже пора было, а так какая радость разработчикам – отработала после стольких-то лет консервации на все «пять»!

– Ага, они с какой дистанции до противника её спустили?

– Харебов говорил: от силы полкилометра, практически на голову сбросили. Она лишь рыскнула – и на шумы винтов. Бахнуло! Представляю – у бриттов винты срезало. Ребята по моей команде антенну наматывать и на крейсер бежать! А те, видимо, чуют – неуправляемые. Пёс его знает, что там у них произошло – балластом задули, всплыли.

«Камовы» уже почти на километр отбежали, так – оглядывались, в бинокль хреново видно – трясло. Сеньоры из пушек долбанули – мимо. А потом она как жахнет. Ваня-бортинженер и предложил поздравить аргентинцев с геройской победой.

– Разумно.

– А далее винтокрыл на борт приняли и на двадцати пяти пошли курсом на норд-ост, это уже в журнале есть. В 17:20 обнаружили работу навигационной РЛС. Лоханка на пределе видимости болталась, мы курс ради неё не стали менять – всё одно засветились. Потому как следом нас аргентинский двухмоторный винтовой облетел. По-английски они не очень, но на своём кастильском лопотали бойко – похоже, восторгались нашим «железом». Через минут сорок «англичанин» пожаловал. Уже темнело, но РЛС по длительности и характеру издалека выдала – самолёт. По-моему, «Нимрод» – у бриттов в это время они были. С этим мы и разговаривать не стали – настырный. Он ещё с полчаса посвистал вокруг нас и убрался восвояси.

– А чего так прямолинейно?

– В смысле?

– Через Атлантику? Сейчас между базой на острове Вознесения и Фолклендами весьма оживлённо, да и потом идти в зонах постоянного слежения вплоть до надводных кораблей блока? Я сменил курс.

– Когда? – Скопин даже оторопел. – Куда?

– В 1:30. На Дальний. Но лучше в Камрань[36 - База ВМФ СССР в бухте Камрань во Вьетнаме.]. До выяснения.

Скопин лишь кивнул, моментально принимая правильность решения командира. Очевидность выбора против маршрута по тесным приевропейским акваториям, перенасыщенными натовскими «ушами» и «глазами», не вызывала сомнений. А Азиатско-Тихоокеанский регион напоминал суп с клёцками тысячей островов, где и затеряться легко, несмотря на космическую слежку.

– Кстати, ты так насел, что я и спросить забыл. Как глаза?

– В полумраке превосходно, а днём, видимо, в солнцезащитных пока похожу. Я возьму твой ноут – у тебя по Фолклендской что-то ж есть?

– Да, ярлык на «рабочем столе».

– Ну, всё! – Терентьев резко встал и, прихватив ноутбук, торопливо двинулся на выход. – Я в ходовую. Ты досыпай.

* * *

– Слетелось вороньё! Сначала «аргентинец» появился… теперь ещё один – бритт, – после строгого доклада вольно комментировал показания на РЛС вахтенный офицер, – ещё в 6:00 «Вайгач»[37 - «Вайгач» – навигационная РЛС.] выдал засветку на пределе дальности, наверняка «аргентинец». Включает локатор, по параметрам явно не обычная судовая РЛС. Подозреваю, наш знакомец «Бельграно».

В «ходовой» утренняя вахта – обычная монотонность работы аппаратуры и докладов, колдующих на своих постах операторов.

Скопин ёжился, спросонья было зябко. Хлебал чай. Хотелось кофе, но только вот и было – хорошо, что хоть крепкий и обжигающий.

Океан не унимался, по-прежнему свирепствуя ветром. Снег с дождём оставил на стёклах рубки высохшие белым солёным налётом капли. «Непорядок!»

– Где командир?

– В медблоке, профилактика, по-моему, – и добавил, поясняя: – Глаза. Сказал, минут на двадцать.

– Где мы?

– А почитай там же, где «вертушку» топить подлодку отправляли, – в лице вахтенного мелькнуло довольство кота, поймавшего мышку, – утюжим пятьдесят пятую широту туда-сюда. Вот координаты.

– Ага, вижу. – Скопин нифига не выспался и ещё плохо соображал, тупо поглядывая то на карту, то пытаясь что-либо разобрать на секторальных экранах. – А они друг на дружку не кинутся?

– Подраться? Задачи другие. Оба локаторами пасут и кодами так и строча?т в эфире. Англичанин – «Нимрод», он у нас уже забит в комп.

Операторы, сидящие здесь же, в посту за спиной, бубнили, сопровождая цели с рубежа обнаружения. Каждый наблюдал за своим квадратом, немедленно докладывая об изменениях.

– Дистанция меняется, угол места…

– Смотри-ка, однако, бритт сдёрнул на другой эшелон! – Вахтенный был в теме, сразу выуживая из череды докладов важное.

«Командир на мостике!» и «Смирно!» (кого касалось) почти совпало с докладом поста радиоперехвата:

– Аргентинский «Бельграно»! Открытым текстом: «Battlecruiser «San Pedro» – thanks for your help!»[38 - Линейный крейсер «Святой Пётр» – спасибо за помощь.]!

– Что за… – У Терентьева глаза на лоб полезли от этой анло-испанской смеси. – Какой нахрен «дон педро»?

– Из Бразилии который, где живут стаи диких обезьян! – Несмотря на комедийность контекста тётушки Чарли, тон Скопина был мрачнее некуда – он, прижав наушник к уху, дослушивал радиограмму с аргентинского крейсера. – Переводчик у них хреновый, или с бодуна своего не разобрали «Великий». Вот и влепили привычного для них «святого». Просят рандеву. У них представитель хунты на борту.

Непонимание Терентьева длилось лишь секунду, встретившись взглядом со старпомом:

– Есть у меня подозрение…

– Что нас хотят использовать, – продолжил за него Скопин, – как козырную карту – специально открытым шпарят для бриттов.

Наблюдая за показаниями радара ВЦ[39 - ВЦ – высотная цель.], ему показалось, что «Нимрод», переваривая «радио» с «Бельграно», аж «присел», смещаясь от центра к краю радиолокационного экрана.

– Что ответим?

– Придётся что-то решать, – командир взглянул на карту с прокладкой курса, – нам от них не отвертеться, не убегать же… режет нам курс – на пересечке, один чёрт, сойдёмся.

Вот только не хочется подпускать «Бельграно» на дистанцию его орудий.

– Пусть вертолётом свою делегацию везут – примем.

– Передавай.

* * *

Пилотов аргентинцы подобрали опытных – «Агуста», на секунду уравновесив свою скорость с «Петром», зависнув в метре от площадки, стремительно, но мягко коснулась палубы.

– Рисуются, – флегматично прокомментировал Харебов. Скопин заметил, что тот слегка уязвлён, но стало не до профессиональной гордости приятеля – техники бросились найтовить цепями машину, ещё на ротации вращались лопасти, сдвинулась вбок дверь, и гости бойко стали выгружаться, пригибаясь, удерживая фуражки – имея, видимо, уже опыт.

Двое военных, двое в штатском. «Гуд монин» и Скопин на английском предложил следовать за собой – никаких особых «приветствуем вас на борту…» – пусть командир разводит политесы.

Пока шли с кормы в кают-компанию, разодетые военные со сдержанным любопытством поглядывали вокруг, кроме по-граждански одетого, но подтянутого господина лет за шестьдесят, в лице которого ничего не выдавало южных кровей. Чем-то он по внешности напомнил персонаж «Двенадцати стульев» – Ипполита Матвеевича. Вот только по его деланому равнодушию, но проскальзывающей цепкости взгляда Скопин решил, что в этой пёстрой команде главный именно он. Ещё один гражданский был, вероятно, переводчиком.

* * *

Терентьев надеялся, что с аргентинской делегацией прибудет советский дипломатический представитель, что и послужило окончательным согласием на эту встречу. Однако надежда не оправдалась, и он почти не видел смысла в этих переговорах, терпеливо выслушивая приветствие аргентинского представителя, украдкой поглядывая в открытый ноутбук, развернув папки со всей имевшейся информацией по англо-аргентинской заварухе.

Общая история выглядела так, что СССР бы и влез в конфликт, вплоть до предоставления Аргентине кораблей, самолётов и ракетных систем взамен на льготные поставки зерна и мяса, но надавили американцы, нагнетая антисоветские настроения, наращивая свои силы в Европе и вблизи границ СССР. Смогли они найти рычаги давления и на Аргентину, фактически вынудив Буэнос-Айрес сократить товарооборот с Советами.

«Но одно дело дипломатическая болтовня – торговля в кабинетах, – рассуждал Терентьев, глядя, с каким любопытством (не без доли удивления) пялятся гости на крутой скопинский ноут, – другое дело целый battlecruiser, в железе и пушках. Два этих расфуфыренных генерала уверены, что справятся с бриттами своими силами, судя по их надменным рожам, хоть крейсер и произвёл на них впечатление. А вот хлыщ-политик… этот непрост, и прав Скопин, что аргентинцы, прознав о наличии ядерного оружия у экспедиционных сил англичан, собираются использовать нас как пугало в противовес. Ведь Союз наверняка заявил об оснащении кораблей класса “Орлан” ракетами с ядерной боеголовкой. Наверняка в этом не сомневаются и аргентинцы. Что ж, не будем их разуверять, тем более что всё ровно не поверят»[40 - С 1991 года, в связи с международными соглашениями о запрете ядерных крылатых ракет морского базирования, все П-700 «Гранит» должны быть оснащены только конвенционными боевыми частями.].

Собственно интересы аргентинцев были вполне предсказуемы, и они со Скопиным успели некоторые версии обсудить.

«Что они себе думают в Буэнос-Айресе? Были предварительные переговоры с Москвой на высшем уровне о военных поставках – но не заладилось. Однако русские что-то замутили – военный корабль-то нарисовался, да ещё и неоднозначно подыграл с этой треклятой “Конкерор”. Вон они даже презент (корзина с фруктами и с заманчивыми на вид бутылками) от командира “Бельграно” преподнесли с неким подтекстом».

Аргентинцы сразу повели разговор о деле, даже в коротком приветственном вступлении обозначили неординарность ситуации, выказав восхищение умением русских тайно от всех построить и перегнать на театр боевых действий такой мощный и крупный корабль.

Военные (один, судя по знакам на погонах – морской офицер, другой относился к ВВС) представились длинными именами, как это водится у испаноязычных наций. Но главным, как правильно определил Скопин, у них был «гражданский», имевший явно немецкие (судя по фамилии) корни, да не совсем он был «гражданский», кое-какая военная выправка в нём проглядывала. К своим военным он лишь иногда обращался за незначительными консультациями, в основном поглядывая в разложенные бумаги, вкрадчивым голосом озвучивая предложения Буэнос-Айреса.

Терентьеву вдруг показалось, что перед ним либо матёрый дипломат, либо из-за сложностей перевода он ни черта не понимает в аргументах собеседника: в полунамёках, допущениях и конечных пожеланиях этого арийца-аргентинца.

Он уже хотел послать за своим, пусть и горе-переводчиком – Забиркиным, когда дипломат достал из своего портфеля пачку газет, положив её на стол со словами:

– Несмотря на войну, у нас печатаются лондонские газеты. Вот «Таймс», взгляните.

«Ах, ты твою мать! И ведь не врёт наверняка, – сдвигая газету ближе к потянувшемуся Скопину, Терентьев чувствовал, как кровь ударила ему в лицо, – а какой ещё реакции ждать? У руля Андропов, хоть и жёсткий человек, но на Союзе висит война в Афгане, все международники так и лают: страна-агрессор, а тут откуда ни возьмись военный корабль у чёрта на куличках. Что ему думать? Провокация как минимум».

– Может мне сгонять прослушать эфир, международные радиостанции, – едва шевеля губами, чтоб не расслышал переводчик, спросил Скопин, перебирая лежащие распечатки и газеты, – не фальсификация?

– Не сукатись, – оборвал его Терентьев, гуляя взглядом между переводчиком и главным у аргентинцев.

На другой стороне стола внешне сохраняли невозмутимость, но легкое дребезжание в голосе выдавало удивление и понимание, что у русских какие-то нестыковки. Переводчик, порой неправильно ставя ударения, послушно

повторял за испанской тарабарщиной:

– Ход, конечно, белее чем оригинальный – с отказом принадлежности. Я не могу предполагать, какую игру ведёт ваше правительство. Возможно, вас ещё не информировали по системе космической связи?

Аргентинец при этом весьма многозначительно поглядывал на ноутбук, явно приняв тихо ноющий кулерами девайс за супертехнологичную советскую разработку, тем более что прикалывающийся Скопин приклеил на крышку логотип знака качества СССР.

– А вы можете устроить нам встречу с советским представителем? – спросил Терентьев и тут же пожалел о сказанном, находя быстрое исправление своей ошибки в подхвате старпома.

– У нас неполадки с космической связью.

– Советский Союз официально отказался от крейсера, а лично у вас, – аргентинец со значением взглянул на командира корабля, – как я понимаю, особые полномочия. Но замечу – ситуация непростая. Англичане обвиняют вас в потоплении их субмарины и объявляют пиратами. Американцы стягивают свои корабли к зоне конфликта. Наше правительство готово вас прикрыть, заявив, что крейсер находится на службе у Аргентины.

– Прикинь, нам предлагают «крышу», – в голос ухмыльнулся, прекрасно зная, что этот полусленг переводчик не поймёт.

– Погоди, дай подумать.

Предложение аргентинцев не то что не входило в его планы, а показалось лично для него возмутительным.

«Русский боевой корабль под аргентинским флагом – эдакое “фу-фу”! Однозначно – домой! А с другой стороны: облава флотом США! “Орлан” и с эскортом против АУГ едва ли выстоит, а в одиночку и подавно, да ещё и без целеуказания. Но как-то не верилось, что штатовцы по-серьёзному полезут в драку. Будут прессовать, демонстрировать и имитировать… шакалить, короче.

Но открыто побоятся атаковать. Мы ж и огрызнуться можем».

Терентьев и сам не заметил, как вторя своим мыслям, отрицательно качал головой, поняв это лишь по вытянувшемуся недовольному лицу аргентинского представителя.

Сказать своё «нет» Терентьев не успел – пискнул коммутатор, сообщая искажённым голосом вахтенного офицера боевого информационного центра:

– Две воздушные цели. Предполагаю атаку!

– Сейчас буду! – ответил Терентьев, не переспрашивая данных, доверяя выводам офицера, и, развернувшись к гостям: – Извините, господа, ситуация требует моего присутствия на командном пункте. С вами пока останется мой старший помощник.

– Прошу прощения, что случилось? – Аргентинцы взволнованно зашевелились.

– Вероятно, нас атакуют самолёты противника.

Прослушав перевод, один из аргентинцев в звании бригадного майора ВВС, спросил данные по наблюдаемым самолётам.

Не желая показывать суету, пожав плечами, Терентьев запросил БИЦ[41 - БИЦ – боевой информационный центр.]:

– Каковы параметры целей?

– Высота 4800, скорость 900, пеленг 45 на корабль, не меняется.

– Это «Вулкан», – безапелляционно заявил генерал-майор, – они летают с Вознесения. Пятнадцать часов лёту. Так просто лететь они сюда не станут.

– Разберёмся, – кивнул Терентьев.

– А нельзя ли нам присутствовать на вашем командном пункте?

Секунду поколебавшись, командир дал согласие, попутно предупредив, чтобы гости не мешали офицерам выполнять свои обязанности.

* * *

– Мы их взяли за пятьсот, – частя, отчитывался дежурный офицер, – затем доложилось РЭБ[42 - КП РЭБ – командный пункт радиоэлектронной борьбы.], не классифицируя – просто кратковременное излучение РЛС по пеленгу. Потом последовало ещё одно включение их облучателя и по длительности импульса определили – цель воздушная. Идёт практически с нулевыми параметрами, то бишь целенаправленно в сторону нашего локатора. По факту – она не смещается по азимуту, разве что немного уходит по углу места, да и то, видимо, не вследствие изменения высоты.

Затем было установлено, что цели две, и уже шли они не больше ста метров над уровнем. Подозрительно! Мы их активно подсветили и взяли на сопровождение – они в ответ поднялись до 4800. На данный момент: цель номер один дистанция 120 километров, высота 4800, скорость 850. Цель номер два – идёт на незначительном удалении и по высоте в том числе. При этом «Нимрод» по-прежнему кружит на шестидесяти к востоку и находится в постоянном радиоизлучении. Наводит – сука!

– «Форт»[43 - «Форт» – зенитный ракетный комплекс морского базирования с установкой вертикального пуска. Предназначен для уничтожения высокоскоростных, маневренных и малоразмерных целей во всём диапазоне высот.] смахнёт их с неба на раз, – с пренебрежительным пафосом заявил Скопин, зыркнув в сторону аргентинских военных, которым что-то нашёптывал переводчик.

– Мы не можем ничего предпринять, пока не будем уверены в их враждебных намерениях. – У Терентьева из головы не выходили слова аргентинского генерала, что просто так британские «Вулканы» лететь в такую даль не станут. – Где «Бельграно?

– Если выйти на правое крыло мостика, то в обычный «цейс» его можно увидеть – двадцать миль на правом траверзе.

Неопознанные самолёты целенаправленно угрожающе сокращали дистанцию. Командный пункт РЭБ получает приказ докладывать по целям непосредственно на ГКП с периодичностью одна минута, затем тридцать секунд.

– Как ты думаешь, – Терентьев наблюдал, как на табло высвечивается дистанция до целей, – одной «фортовской»[44 - Для большей уверенности в поражении комплекс наводит на одну цель сразу две ракеты.] возьмём эту «бесхвостку»?[45 - Британский стратегический бомбардировщик «Вулкан» имеет компоновку «бесхвостка».]

– Легко, – ответил Скопин, – это всего лишь бомбёр.

– Цель номер один дистанция пятьдесят, – оператор выдавал данные чётко, но понимание ситуации невольно повышало голос до фальцета, – они задействовали систему радиоэлектронных помех. Цель раздваивается – наблюдаю пуск ракеты. Ракеты, две!

– Их на сопровождение ЗРК «Кинжал», – торопливо приказал Терентьев, чувствуя, как сокращается время реакции. Пеленг цели № 1 медленно сползал вправо – «Вулкан» отстрелялся и отваливал на разворот. Второй бомбёр-ракетоносец выходил на дистанцию пуска.

– Цель номер два – уничтожить!

Крейсер аж слегка присел при выбросе ракеты из контейнера носовой ПУ комплекса «Форт».

Ютящиеся в углу боевой рубки аргентинские представители вовсю таращились на выхлоп маршевого двигателя и прыснувшие газодинамические струи, бросившие ракету на азимут и траекторию перехвата. Тут же поступил доклад:

– Сопровождаю – цель номер два, тридцать секунд до поражения!

– Ракеты противника в зоне поражения «Кинжал», – объявил оператор РЛС «Позитив»[46 - РЛС «Позитив», обеспечивающая целеуказание для зенитно-ракетного комплекса «Кинжал».].

– Пуск!

В носу корабля порхнули четыре фейерверка зенитных «кинжалов», при их 850 км/ч – минута преодолеть двенадцать километров до вражеских целей.

Почти одновременно домчала ракета средней дальности «форт», покрывшая сороковник кэмэ за полминуты.

Тщетно вихлял «британец» в противоракетном, задействуя систему радиоэлектронных помех – на встречном курсе, взаимная кинетика самолёта и разлёт осколочно-фугасной БЧ изломали конструкцию в секунды.

И четыре «кинжала» на два «шрайка» оказались избыточны – лишь одна противоракета мазнула на самоподрыв.

Переполненного эйфорией Терентьева трезвила реакция Скопина – по-мальчишески в азарте приоткрывшего рот, наблюдавшего, как табло «втягивает» в себя дистанцию до целей, при сопутствующей монотонности операторов: «дистанция потеряна!»… «угол места – ноль!». И наконец, захлопнув свою скалящуюся пасть, тот снова осклабился с довольным видом:

– Есть!

Что особо произвело впечатление на выпучивших маслины-глазищи аргентинцев, и без того едва ли не пускающих слюну на машинерию русских, понимающих по одной только радостной роже Скопина – бриттов уделали.

Продолжали поступать доклады по воздушной обстановке: по пеленгу сбитого самолёта фиксируется радиомаяк «мэйдэй» – вероятно, кто-то из экипажа катапультировался. С «Бельграно» передали, что займутся поиском и спасением. Распаровка-«Вулкан», выжимая свои максимальные 980, улепётывал на северо-восток. Не менее перетрухнувший «Нимрод» благоразумно держался на 150 километрах от опасного русского.

– Ещё успеем беглеца достать, – кровожадничал старпом, – и в «Нимроде» наивные, у них наши ТТХ устаревшие[47 - На головном корабле проекта

«Орлан» – «Кирове», комплекс «Форт» имел ракеты с дальностью поражения 75 км. На «Петре» дальность поражения новыми 48Н6Е2 доведена до 200 километров.].

– Побережём боеприпасы.

Настрой у Терентьева был пессимистичный – факт, что англы пошли на открытую конфронтацию, перечёркивал все планы дойти до Камрани без особых эксцессов.

– Джентльмены показали себя весьма решительными, – сказал он посерьёзневшему Скопину, – и в такой же мере и самонадеянными. Но на пути домой нас будет поджидать третий флот США вкупе с подтянутым из Индийского «пятым оперативным». Поэтому вернёмся к переговорам. Боюсь, нам придётся принять предложения аргентинцев.

– «…нас догоняет полковник Бишоп, а мы не можем уйти и не в состоянии драться…» – тихо процитировал Скопин.

– Ты о чём?

– А это в «Одиссее капитана Блада» – их пиратский корабль тоже припёрли, и им пришлось пойти на Королевскую службу.

– Озаботься гидроакустическим поиском. Не удивлюсь, если поблизости болтается британская ПЛ. Потом явишься в кают-компанию. Нет! Давай в президентскую спецкаюту. Там с ними буду говорить. Чувствую, предстоит серьёзное обсуждение условий и торг. На абордаж с тесаками нам, конечно, не ходить, но что они от нас захотят и в какой валюте заплатят – вот вопрос.

– О-о-о-о! В валюте! Вот это по-нашему, по-бразильски! – И снова серьёзно: – Нам бы на посольство СССР выйти или через Минрыбхоз – траулеры поддерживают постоянную связь. И…

Терентьев ждал. Скопин заговорил едко и слегка растягивая предложения:

– Не думаю я, что так уж всё трагично. Англичашки нахрапом сунулись – и огребли, пиндосы по рылу уже не захотят получать. Наши «граниты» на вооружение были приняты только в восемьдесят третьем, а «форт» и того позже. Но Союз уже наверняка похвалился о новом оружии-убийце авианосцев. «Натовцы», конечно, судят по своим разведданным, но у страха глаза велики – что ещё отчебучили эти русские! И дальность новых ракет «форта» – пусть будет маленьким, но сюрпризом. На всякий случай. Если случай представится, – старпом метнул взгляд на иностранцев, сопровождаемых дежурным офицером к лифту, и его голос стал ещё более злым, – аргентинцы эти ничем не лучше всей остальной своры. И в торге с ними у нас всегда есть самый козырный беспроигрышный аргумент – сила. Сила весом в 26 тысяч тонн, с не менее весомой начинкой. Когда можно послать всех в известное на… и уйти, при желании хлопнув дверью.

По другую сторону Фолклендов

В 9:45 экипаж «Треккер» взлетевшего с авианосца «Бентисинко де Майо» установил радиолокационный контакт с дозорным британским эсминцем. Незамедлительно последовал приказ нанести удар по вражескому ордеру. На семь «Скайхоков» A-4Q подвесили по шесть свободнопадающих 227-кг бомб, и катапульта последовательно выбросила штурмовики в небо. Восьмая машина, заряженная управляемыми ракетами «Сайдуайндер», осталась на палубе, готовая в любую минуту взлететь для противовоздушной обороны соединения.

Атака на эсминец «Шеффилд» получилась скомканной – аргентинцы хоть и вышли на низкой высоте неожиданно, но попали под ЗРК «Си Дарт» однотипного «Глазго», располагающегося мористее и прикрывающего «систершип» от атак с воздуха.

Ко тому же поступило сообщение о приближении пары «Си Харриеров», и «Скайхоки» едва успели «унести ноги».

Однако при подлёте к своему авианосцу их ждала неприятная картина.

Атомная ПЛ «Сплэндит» ещё в девять утра установила контакт с кораблями противника, скрытно маневрируя вокруг группы кораблей, заходя то с севера, то с запада, всякий раз натыкаясь на работу гидролокаторов эскорта авианосца, и, осторожничая, снова отползала на исходную – участь «Конкерор»

предупреждающе скреблась в мозгах экипажа и чужими гидроимпульсами по зализанному корпусу подлодки.

И только суета в воздухе позволила «британцу» выйти на позицию атаки, когда постоянно путающиеся «под ногами» корабли охранения сконцентрировались на поиск воздушного противника.

Две телеуправляемые торпеды «Тайгерфиш» почти одновременно поразили правый борт у миделя и в район кормы. Заходящий на посадку «Треккер» ударился стойкой шасси, и его вышвырнуло за борт.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

БЧ – боевая часть.

2

КСФ – Краснознамённый Северный флот.

3

СКР «Туман» – сторожевой корабль проекта 11540 предназначен для поиска, обнаружения и слежения за подводными лодками противника, обеспечения противокорабельной и противолодочной обороны боевых кораблей.

4

МЧПВ – морские части погранвойск.

5

Норвежские корабли береговой охраны типа «Нордкап» и «Пётр Великий» – тяжёлый атомный крейсер типа «Орлан» вошли в состав своих флотов в восьмидесятых годах XX века.

6

Начиная с апреля 1920 года норвежские промысловые суда вторгались во внутренние воды РСФСР – от Мурманска до Архангельска, варварски истребляя десятки тысяч тюленей. Зачастую их сопровождали норвежские военные корабли, которые открывали артиллерийский огонь по русским пограничным катерам. Лишь с появлением в 1933 году на Баренцевом море первой группы советских боевых кораблей, вторжения норвежцев прекратились.

7

Западная Лица – название пункта базирования подводных лодок Северного флота России.

8

ПЭЖ – пост энергетики и живучести.

9

БИЦ – боевой информационный центр.

10

«KYSTVAKT» – «береговая охрана» (норв.).

11

В Нортвуде (пригород Лондона) расположен штаб Королевского флота Великобритании.

12

Вьюшка – барабанная лебёдка.

13

ГКП – главный командный пункт.

14

Имеется в виду высказывание адмирала Битти во время Ютландского сражения.

15

БЧ-7. Радиотехническая боевая часть.

16

Самонаводящаяся противолодочная торпеда АТ–1М.

17

«Ревущие сороковые», «неистовые пятидесятые» и, пожалуй, «пронзительные шестидесятые» – названия, данные моряками океаническим пространствам между 40° и 60° широтами в Южном полушарии планеты, рядом с Антарктидой, где господствуют сильные, часто ураганной силы ветры.

18

Зачастую моряки называют свой корабль «железо», как правило, с уважительными нотками.

19

Морская группировка Королевских ВМС в Фолклендской операции насчитывала 125 кораблей, из которых более 80 являлись транспортными и вспомогательными.

20

Авианосцы «Гермес» и «Инвинсибл». «Шеффилд» – эсминец УРО, Атлантик Конвейер» – переоборудованный под авиатранспорт контейнеровоз, потопленные авиацией Аргентины в ходе боёв.

21

БЛА – беспилотный летательный аппарат.

22

БМТР – большой морозильный траулер-рыбзавод.

23

ЗИП – запасные изделия прилагаемые.

24

После победоносной Фолкленской войны «Conqueror» приняла участие в операции «Официантка» – краже буксируемой гидроакустической станции в советских территориальных водах.

25

Falkland – английское название. Malvinas – испанское.

26

Банка Бердвуда – обширное мелководье к югу от Фолклендских островов.

27

События реальной истории 4 мая 1982 года.

28

10 мая 1982 года министр иностранных дел Аргентины Коста Мендеса в беседе с госсекретарем США А. Хейгом заявил, что его страна может обратиться за военной помощью к Советскому Союзу.

29

Остров Вознесения (3800 км от Фолклендов). Для полётов с базы до места боевых действий британским самолётам приходилось использовать несколько самолётов-заправщиков.

30

Имеется в виду операция «Катапульта», по нейтрализации на тот момент ещё союзнического флота, чтобы французские корабли не достались гитлеровской Германии.

31

«Shipwreck» – натовская классификация ПКР «Гранит».

32

Через двое суток, справившись с пожарами, аргентинский экипаж привёл корабль на базу.

33

«Второй» – расхожее название второго жилого микрорайона. От центрального городского пляжа до «второго»

34

примерно 10 км. «Железка» – железная дорога, проложенная вдоль лимана.

35

«Собачья вахта» – вахта на флоте, длящаяся с 00:00 до 04:00 часов.

36

База ВМФ СССР в бухте Камрань во Вьетнаме.

37

«Вайгач» – навигационная РЛС.

38

Линейный крейсер «Святой Пётр» – спасибо за помощь.

39

ВЦ – высотная цель.

40

С 1991 года, в связи с международными соглашениями о запрете ядерных крылатых ракет морского базирования, все П-700 «Гранит» должны быть оснащены только конвенционными боевыми частями.

41

БИЦ – боевой информационный центр.

42

КП РЭБ – командный пункт радиоэлектронной борьбы.

43

«Форт» – зенитный ракетный комплекс морского базирования с установкой вертикального пуска. Предназначен для уничтожения высокоскоростных,

маневренных и малоразмерных целей во всём диапазоне высот.

44

Для большей уверенности в поражении комплекс наводит на одну цель сразу две ракеты.

45

Британский стратегический бомбардировщик «Вулкан» имеет компоновку «бесхвостка».

46

РЛС «Позитив», обеспечивающая целеуказание для зенитно-ракетного комплекса «Кинжал».

47

На головном корабле проекта «Орлан» – «Кирове», комплекс «Форт» имел ракеты с дальностью поражения 75 км. На «Петре» дальность поражения новыми 48Н6Е2 доведена до 200 километров.

Купить: https://tellnovel.com/ru/pletnev_aleksandr/odinokiy-reyd

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить